Ледяное сердце

Автор:
Джейми Литтлер

Ледяное сердце

Джейми Литтлер

Эш – покоритель снежных морей

Эшу определённо не повезло. Мало того что он живёт в одной из самых отдалённых крепостей в снежном море, так ещё родители его пропали давным-давно, и теперь он переходит от одного опекуна к другому, не задерживаясь ни в одной семье надолго. А после той истории с левиафанами – когда он попытался петь, чтобы успокоить чудовищ – его и вовсе передают на попечение самого странного обитателя крепости Огния – угрюмого йети Тобу. Поэтому, когда в Огнию прибывают сани следопытов, Эш недолго думая просит отважных странников взять его с собой. Ведь его родители тоже когда-то были следопытами – вдруг он сумеет их найти? И к тому же как ещё иначе узнать, что за странная тяга петь чудовищам его одолевает всякий раз, когда он видит левиафанов, кроме как не в путешествии в далёкие дали?

Джейми Литтлер

Ледяное сердце

Моим агентам Джоди и Эмили, чьи навыки навигации помогли мне отыскать дорогу через дикие земли

Jamie Littler

FROSTHEART

Copyright © 2017 by Jamie Littler

This edition published by arrangement with United Agents LLP and Synopsis Literary Agency.

© И. Эрхарт, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Изгнанник

1. Песнь

Они не должны были выходить на снег.

«В снегу прячется смерть», – так говорили жители Огнии. Это была одна из множества весёлых поговорок, которым они учили детей, как только те взрослели достаточно, чтобы запомнить. И не без причины. Снег был смертельно опасным местом.

Но мяч лежал так близко.

Соблазнительно близко, и всё же словно в миллионах километров от них. Тёмное пятнышко на бесконечной белой равнине. Четверо детей смотрели на него в молчании. Они не двигались. Они не могли осмелиться. Каждый из них был напряжён и готов броситься бежать от малейшего звука. Эш, самый младший из

детей, задрожал и сунул руки в подмышки, пытаясь впитать всё тепло, которое могли дать меха плаща. Его дыхание вырывалось наружу белыми облачками. Рядом друг Эша, Зар, шмыгнул и вытер рукавом свисающую с носа каплю. У него постоянно текло из носа. Зар словно никак не мог привыкнуть к холоду, что было довольно странно, ведь эти края за всю их историю не могли вспомнить ни одного тёплого дня.

– Мы можем его достать, – сказал он, снова шмыгнув своим огромным носом. – Это недалеко.

Так оно и было. И всё же никто не пошевелился.

– Тогда ты его и доставай, – сказала Зару Блестия. Веснушки нисколько не смягчали хмурое выражение, которое не сходило с её лица.

– Что?! Я туда не пойду! Это Свет пнул его за стену – пусть он туда и идёт!

– Эш слишком сильно пасовал! Он постоянно так делает. Он потерял целую кучу мячей, когда жил с нами, – сказал Свет, его пухлые щёки были влажными от подтаявшего инея.

– Да, он и мои все растерял, когда жил в моей семье, – согласилась Блестия.

– Ладно, ладно! Я пасую слишком сильно. Я уже понял! – сказал Эш.

– В любом случае, это твой дурацкий мяч, – Свет ткнул пальцем в сторону Зара.

– Именно! Это мой мяч, и я хочу его обратно! – ответил тот.

– Зар, у тебя дома есть ещё один, – сказал Эш, пытаясь остановить перебранку. – Может, просто поиграем с ним? Мы и так слишком близко подошли к снегам – нам нельзя здесь быть… – Его колотила дрожь, и вовсе не от холода. Он посмотрел на крепость, которая надёжно и уютно расположилась на вершине утёса высоко над ними. С такого расстояния она казалась гораздо меньше, чем обычно, одинокая и запертая в ловушке бесконечно белой равнины. Больше всего Эшу хотелось поскорее вернуться туда, взбежать по извилистой деревянной лестнице и зайти внутрь через главные ворота. Назад в безопасность.

– Эш прав. Здесь видели левиафанов, и не просто каких-то, а скрытней. Я не хочу стать завтраком скрытня, – фыркнула Блестия.

– Тут дело-то всего на секунду! – возразил Зар.

Но никто не двинулся с места. На утреннее солнце наползло облако, сгущая тени на снежной равнине. Стало холоднее. Тише. Вокруг ни звука. Ни единого, кроме шмыганья Зара и шёпота ветра, который холодил Эшу лицо.

– Ребята… – начал он.

– Ладно! Я понял! Ого, какие же вы трусы, ребята! – сказал Свет. – Стойте здесь и караульте. Если взрослые увидят, они меня убьют.

– Я бы больше беспокоился не о взрослых… – пробормотал Эш. Хотя глядя на снег, он видел только нетронутую, сверкающую белизну. Казалось невозможным, что под ней может что-то прятаться. Но именно это скрытни и делают лучше всего – они прячутся.

Свет вытянул руки и потёр ладони друг о друга, готовясь пробежаться до мяча. Он лежал в целых двухстах шагах впереди. Далеко. Достаточно далеко, чтобы дети начали дрожать.

После секундного колебания Свет наконец осторожно сделал шаг с деревянной платформы на снег.

И застыл.

Остальные дети затаили дыхание.

Но ничего не произошло.

Ребята выдохнули с облегчением. Свет, так тихо и быстро, как только мог, побежал к мячу. Его меховые ботиночки издавали тихое «пф-пф-пф-пф», касаясь снега. До мяча оставалось около ста шагов.

Пятьдесят.

Двадцать.

Эшу было трудно на это смотреть, но он не мог заставить себя отвернуться. По его шее стекал пот, даже несмотря на холод.

Десять шагов.

Пять шагов.

Один.

– Получилось! – закричал Свет, поднимая мяч. И поспешно прикрыл рот ладонью, ошарашенный громкостью своего голоса.

– Неси его обратно! – прошептал Зар так громко, как только осмелился. Свет кивнул и приготовился бежать назад.

– У него получится! – сказала Блестия.

Эш засмеялся от облегчения.

И тут: ФУУУМ!

В воздух, как вода из гейзера, хлынул снег. Дети попятились, когда в них полетели ледяные осколки. Из пропасти в снегу выросли три огромные фигуры.

– Скрытни, – ахнул Эш, его голос сковало страхом.

Существа были влажными и гладкими, похожими на змей, ростом как двое взрослых мужчин, с шестью снежно-белыми глазами, которые моргали немного невпопад, зияющими пастями, полными острых, как ледяные сосульки, клыков, и гладкими слюнявыми языками. Несмотря на свою неуклюжую манеру передвигаться прыжками, они перемещались с ужасной скоростью – так быстро, что было сложно разглядеть их колючие гребни, острые когти и длинные как хлыст хвосты. Для Эша они казались просто извивающимися комками ужаса.

– Они перекрыли дорогу! – закричала Блестия. И была права. Скрытни отрезали Свету путь обратно в деревню и уже неслись, голодные, ему навстречу. Свет от ужаса застыл на месте.

– Нужно сказать взрослым! – закричал Эш, хотя в этом не было нужды. Дозорный на смотровой башне уже заметил переполох.

– Скрытни! – проревел он. – Охотники, на стену!

Тем временем скрытни подобрались совсем близко к Свету, который стоял неподвижно, хныкая от страха.

– Свет, беги! – закричал Эш так громко, как только мог. Похоже, это выдернуло Света из его транса. Он бросил мяч и побежал изо всех сил, стараясь обогнуть приближающихся скрытней.

Вдруг над равниной грянул эхом голодный жестокий вопль, ужасающий в своей ярости. Песнь скрытней. Когда тяжёлый прерывистый вой и скрежет достигли ушей Эша, его желудок болезненно сжался – словно он физически почувствовал ненависть левиафанов. Это была Песнь войны.

– ЧЕЛОВЕК. ПОЙМАТЬ. УБИТЬ.

Эш и остальные дети схватились за головы – Песнь словно разрывала их на части. Воздух вокруг скрытней мерцал кроваво-красной энергией, аурой из щупалец, похожих на змей, которые извивались и тянулись к Свету с той же свирепостью, что и сами монстры.

Охотники Огнии, стоя на стенах, начали швырять в тварей камни из пращей, но те почти не наносили монстрам вреда, отскакивая от скользких шкур. Громоздкие гарпунные установки тоже стреляли, но твари находились близко к стене, и огромные гарпуны пролетали мимо, падая слишком далеко. Один из скрытней оказался совсем рядом со Светом, его пасть широко распахнулась… Но прежде чем он успел сомкнуть челюсти, на него налетел другой скрытень, намеревающийся позавтракать первым. Они сцепились и рухнули на землю, подняв сноп снега.

Свет использовал эту возможность, чтобы обежать извивающийся клубок, и бросился прямиком к деревянной платформе, где его ждали перепуганные дети.

– Давай, Свет! – закричал Эш.

Тот бежал так быстро, как только позволяли его маленькие ноги. Монстры наконец расцепились, негодующе щёлкая и шипя друг на друга, а затем продолжили погоню. Свет почти добрался до платформы, но скрытни были всего в паре шагов позади него.

– Они… они бегут сюда! – сказал Зар. – Я не настолько хочу свой мяч! – с этими словами он развернулся и бросился к лестнице, Блестия тут же последовала за ним.

Эш, наоборот, остался, ожидая Света с протянутой рукой. Наконец тот добрался до платформы и схватился за руку Эша. Приятель подтянул его наверх, крича:

– Давай, давай, давай! – и дети вместе побежали вверх по шаткой лестнице, которая вела в безопасность городских стен. Но они успели сделать лишь несколько шагов, когда в деревянные подпорки, которые удерживали лестницу в воздухе, врезался скрытень, превращая дерево в дождь из щепок. Лестница тяжело закряхтела и начала ронять ступеньки на снег.

– Не останавливайся! – завопил Эш. Двое мальчишек изо всех сил старались взбежать по лестнице, пока та совсем не осыпалась, но они двигались слишком медленно. Ступеньки задрожали, и Свет потерял опору, соскальзывая вниз, прямо в предвкушающие пасти скрытней.

– ПОЙМАТЬ. УБИТЬ. СЪЕСТЬ.

– Помоги мне! – закричал Свет.

Эш не знал, что ему делать. У Света получилось схватиться за край ступеньки, но лестница вокруг них продолжала осыпаться, а ворота были ещё слишком далеко. Из них уже выбегали охотники, но они не успели бы прийти на помощь. Эш посмотрел вниз, и от вида извивающихся скрытней его желудок перевернулся.

Мальчик отчаянно хотел жить, но его тревожило кое-что ещё. Эш чувствовал, как внутри бурлит непреодолимое желание, которое терзало его душу столько, сколько он себя помнил.

Это было желание петь.

Оно могло бы выглядеть безумным, абсурдным, даже забавным, если бы в паре метров внизу не собралась стая голодных тварей. Но почему-то в такой ситуации это желание казалось самым естественным. Эш не мог точно сказать почему, но

глубоко внутри он был уверен, что всё прекратится, если он споёт скрытням что-нибудь, что сможет заглушить их ужасную Песнь. Эш не видел другого выхода.

«Я не должен».

Его народ наверняка изгонит Эша из крепости. Эти ужасные слухи… все решат, что они правдивы. Все увидят, что он на самом деле тот монстр, которого жители Огнии давно в нём подозревали.

«Нет. Я не могу… Я не буду. Я нормальный!»

Ступеньки скрипели и стонали, сползая всё ближе к раскрытым, щёлкающим челюстям. Эш стиснул зубы и принял решение. Затем открыл рот и…

Раздался отвратительный «чавк», и скрытень внизу взревел от боли со стрелой, торчащей в одном из множества его глаз. Твари развернулись, чтобы посмотреть на нападавшего, и Эш посмотрел туда же.

Охотничий отряд во главе с опекуном Эша, могучим воином-йети Тобу, вернулся из диких земель и теперь спешил по снегу к детям. Йети с луком в руке уже тянулся к своему колчану за следующей стрелой.

Подбежав ближе, Тобу бросил на Эша угрожающий взгляд – он словно почувствовал, что тот собирается петь.

Даже среди окружающего хаоса сердце Эша замерло. «Вот и ещё одна причина получить нагоняй».

– Сюда! – звали охотники, махая руками и ухая, стараясь издавать как можно больше шума, чтобы привлечь внимание скрытней. – Подходите, мерзкие твари!

Скрытни завыли и бросились к ним, а охотники разбежались кто куда, чтобы взбешённые скрытни не знали, кого преследовать. Тут же в спину одному из них вонзился огромный гарпун, с глухим стуком пригвоздив тварь к снегу. Скрытень издал последний леденящий душу вопль, обмяк и затих. Синяя кровь начала покрывать его тело, как изморозь лужицу, и в считаные секунды монстр превратился в блестящий лёд. Он была мёртв.

Осознав опасность, которая им грозит, остальные скрытни нырнули в снег, зарываясь поглубже, и исчезли из виду, совершенно забыв про свою добычу.

Эш услышал, как мир вокруг стал спокоен и тих, за исключением топота охотников, которые спешили к нему и Свету.

Это стало последним, что увидел Эш, прежде чем его голова рухнула на ступеньку и всё погрузилось во тьму.

2. Разочарование

Ткач Песен.

Эти слова упрёком вспыхнули в голове Эша, когда он потерял сознание, и Эш снова и снова прокручивал их у себя в голове, смутно чувствуя, что кто-то – без сомнения, Тобу – осторожно несёт его домой. Эти слова преследовали его как тень, куда бы он ни пошёл. А ведь Эш даже не знал, что они означают. Он знал только то, что они не обещают ничего хорошего.

На самом деле Тобу был последним в длинной череде опекунов, которым поручали присматривать за Эшем, когда его родители исчезли, и которые один за другим отказывались от мальчика. Родители Эша были следопытами – и этот

факт наполнял Эша одновременно и гордостью, и печалью. Следопыты были бесстрашными торговцами и вместе с тем последней надеждой человечества, последней попыткой объединить разбросанные повсюду крепости в подобие единой цивилизации. Вскоре после того, как родился Эш, его родители взошли на борт своих саней, «Авантюриста», как и много раз до этого. Именно тогда Огния в последний раз видела их. С тех пор Эша стала растить крепость. До Тобу он жил с Углией и её семьёй, и всё шло довольно неплохо. Пока Эш не запел.

Ткач Песен…

Эш знал, что он не должен этого делать. Огния так боялась песен – Ткачей Песен, – что в крепости даже запретили музыку. По ней и так ходили слухи о том, кем, вернее, чем был Эш. Но он всё равно это делал.

Эша спасало только то, что он пел всего лишь колыбельную – колыбельную, которую ему напевали родители перед тем, как уйти. Как Эш ни старался, он не мог подавить желание петь её. Оно приходило так часто, что Эш даже не всегда замечал, что делает.

Эш пел, чтобы успокоиться, чтобы почувствовать, что его родители рядом. Ведь, кроме колыбельной, от них ничего не осталось. Эш мурлыкал её себе под нос, надевая в прохладное утро свою тунику из звериных шкур и меховой плащ. Он почти беззвучно напевал её на уроках, где учился охотиться, тренируясь в стрельбе из лука и запоминая охотничий жестовый язык, прикрывая ладонями рот, когда замечал грозные взгляды горожан. Он воспроизводил ночью в своей голове те слова, которые помнил, и тепло воспоминаний помогало ему уснуть. Всё было невинно. Всё было безобидно.

Но это не было достаточным оправданием.

По крайней мере, не для его опекуна Углии, которая однажды вытащила Эша из постели и отвела посреди ночи к каменной резиденции старосты Кострана.

– Он пел! – прошептала она дрожащим от страха голосом.

– Н-неправда! – еле слышно пискнул Эш. Это была ложь, но он больше ничего не смог придумать.

– Староста, я так больше не могу! – сказала Углия. – Я должна думать о собственных детях. Мне нельзя рисковать. В моём доме не место… – глаза Углии забегали из стороны в сторону, словно она боялась это произносить, – Ткачу Песен.

Волосы на затылке у Эша встали дыбом. Снова эти слова.

Эш стоял рядом с опекуном перед огромной деревянной дверью резиденции старосты. Из проёма, в котором стоял Костран, лился тёплый, приветливый свет, но никто не торопился приглашать их внутрь.

– Я не из пугливых, – продолжила Углия, которая определённо была напугана. – Но я не глупа. Нападения левиафанов становятся всё ужасней. С каждой зимой они всё враждебнее, и мы теряем всё больше людей. За их Песнями теперь едва можно услышать даже собственные мысли – и мальчик тоже поёт всё чаще и чаще с каждым днём, совсем как они! Левиафаны ненавидят нас, и они наверняка используют этого мальчика во зло, помяните моё слово. Мне жаль, но он не может остаться со мной.

Староста Костран, огромный, внушительный воин, предводитель Огнии, тяжело вздохнул. Он выглядел уставшим. Его плечи были широкими, как сани, заплетённая в косу борода сверкала сединой, а лицо пересекало множество морщин и шрамов. Ауру мудрости и мощи, которой он обладал, не портили даже большие пушистые тапочки на ногах.

Эш почувствовал, как его сердце сильно и болезненно сжалось. Становилось всё сложнее и сложнее сдерживать слёзы. «От меня опять отказались…»

Увидев выражение лица Эша, Углия потянулась к нему, словно хотела обнять его, утешить, как она делала раньше. Но после секундного колебания убрала руки.

– Мне жаль, Эш. Правда жаль.

Костран задумчиво почесал в затылке.

– Хоть он и правда нарушил закон Огнии, я сомневаюсь, чтобы он пел что-то страшнее обычных детских песенок. – Эш посмотрел на старосту с надеждой, но встретил его взгляд, который говорил, что неприятности не закончились. – Как бы прискорбно всё это ни было, я не могу заставлять вас присматривать за мальчиком. Но заботиться об Эше – это обязанность жителей Огнии. Если вы больше не будете присматривать за ребёнком, мы должны найти того, кто будет.

Лицо Эша вспыхнуло от стыда. Он знал, что у старосты почти закончились варианты. Он смотрел на тихую пустую деревню. Проезжающие мимо следопыты утверждали, что их крепость была довольно мала по сравнению с теми, что южнее, и Эш считал, что им можно верить. Вот только эта крепость была единственной, которую он знал. Резиденцию старосты окружали около пятидесяти каменных построек, сгрудившихся, как стадо улков, под защитой высоких каменных стен на покрытом снегом утёсе, который поднимал крепость над опасными снегами. На каждом углу, соединённые со стенами мостиками из камня и льда, стояли смотровые башни – надёжные стражи, которые защищали крепость от угроз скрытого врага. Кроме этого в Огнии были кожевня и ангар для саней (который чаще всего был пуст), да и всё. Здесь все знали друг друга, и все делали то, что могли, чтобы помочь ближнему. Иначе и быть не может, когда вы живёте друг у друга на головах и отрезаны от остальных людей известного вам мира.

Эш заметил великана, который проходил мимо, неся на плече огромную тушу улка так легко, словно это был мешок краснокорней. У него была снежно-белая шерсть и длинный хвост, мощное тело защищали скупо украшенные доспехи, а за мускулистой спиной висел лук. Это был Тобу, загадочный йети-одиночка. Эш знал о нём только то, что его изгнали из земель йети в горах Хребта Мира много лет назад и приняли в крепость Огния ещё до рождения Эша. Йети сложно было увидеть за пределами их земель, и этот народ по праву уважали как могучих воинов. Даже старосте Костран приходилось смотреть на огромного йети снизу вверх, а ведь он был самым крупным мужчиной в крепости.

Эш боялся Тобу. Как и большинство жителей Огнии.

Костран, похоже, тоже заметил Тобу, потому что в следующий момент Эш услышал, как он приветствует зверя.

– Тобу! – позвал Костран. – Можно тебя на пару слов?

Тобу выглядел удивлённым, но подошёл ближе и пробурчал слова приветствия. Белый мех был покрыт кровью улка, которого он нёс.

– Тобу, – начал староста, – ты важная часть нашей крепости, стойкий защитник стен и непревзойдённый охотник. Мы очень признательны, что ты с нами. – Тобу немного растерялся от этих похвал, но кивнул в знак благодарности. Он был очень неразговорчивым йети. – Ты помнишь, что поклялся делать всё, о чём тебя попросит крепость, в обмен на убежище в наших стенах?

– Я помню, – сказал Тобу. Для такого огромного создания у него был очень тихий голос. От этого он показался Эшу ещё страшнее, и мальчик сделал шаг назад.

– Народ Огнии очень нуждается в тебе. Этому мальчику, Эшу, нужен опекун, который будет растить его, защищать и воспитает из него сильного охотника. Я счастлив сказать, что его опекун теперь ты, Тобу.

Эш почувствовал, как его сердце замерло. Тобу уронил тушу улка, которая упала в снег с неприятным глухим стуком. Йети повёл своими внушительными плечами, сжал огромные кулаки и, стиснув клыки, тяжело вздохнул. Даже Углия выглядела так, словно хочет возразить.

«Нет, нет, нет, нет, нет! – в отчаянии подумал Эш. – Этого не может быть! Кто угодно, кроме него! Пожалуйста! Он же меня на ужин съест! Сварит из меня мальчиковый суп!»

– Я-я против, – загремел Тобу своим низким голосом и поднял покрытые кровью руки в знак протеста. – Я не нянька для детей. Это… – Йети посмотрел на Эша с неприязнью, а Эш изо всех сил старался не смотреть ему в глаза. – Это задание, к которому я не готов.

Но староста Костран пропустил его слова мимо ушей.

– Ну же, ну же, – сказал он, поднимая руку. – Мы приняли тебя в Огнии, Тобу. Мы подарили тебе дом, защищённый от ужасов диких земель. И это именно то, что ты должен сделать для нас взамен. Я думал, что клятва йети так же нерушима, как горы, откуда они родом, или я ошибся?

Из груди Тобу вырвался низкий рык. Он тяжело дышал, его ноздри гневно раздувались. Но в конце концов он уступил, слабо кивнув в знак согласия.

– Так и есть.

– Замечательно! – обрадовался староста.

Но Эш был с ним совершенно не согласен.

И за следующий месяц его несогласие с решением старосты только возросло. Зябкая смотровая башня, где жил Тобу, стояла на самом краю деревни, прямо перед восточной стеной крепости. Маленькое пространство, которое они делили, было наполнено острым звериным запахом йети. Вдали от огней деревни было одиноко и холодно, и только длинный узкий мост изо льда соединял башню с остальной крепостью. Все дети Огнии учились искусству выживания, но тренировки Эша у Тобу были куда суровее, чем у любого другого ребёнка в крепости, и йети ясно давал понять, что думает о его успехах.

– Я видел камни половчее тебя, – говорил он.

Утро судьбоносного нападения скрытней началось точно так же, как и все предыдущие. Тобу разбудил Эша, едва начало светать, бесцеремонно раскачав его гамак из стороны в сторону.

– Ещё так рано… – простонал Эш, щурясь на воркующих голубей, которые жили на балках под крышей башни.

Тобу заворчал.

– Будем надеяться, что ещё не слишком поздно сделать из тебя охотника.

Тобу был, как всегда, строг на тренировке перед завтраком. Хотя завтраком это сложно было назвать – он состоял из горстки корней, собранных Тобу в диких землях, жёстких и грязных. И краснокорней в том числе, как заметил Эш, поморщившись. Он ненавидел краснокорни. Они были любимой едой жителей Огнии, которые превыше всего ценили силу и упорство. Краснокорень был жёстким, как они сами, и, чтобы прожевать это дурацкое растение, сил и упорства требовалось немало. И совсем как огонь, который боготворили в Огнии, краснокорень был жгучим и острым – ты словно глотал горящий факел. Проезжающие мимо следопыты иногда обменивали его на меха и ткани, но всегда с лёгкой неохотой.

– Я не очень люблю краснокорни, – сказал Эш. Обычно он не жаловался, но сейчас Эш чувствовал, что хочет возразить хотя бы против одной из множества неприятных вещей, которые происходили в его жизни, даже если это был лишь завтрак.

– Я думал, что все огнии любят краснокорни, – ответил Тобу.

– Я не считаю, что я один из огниев. Больше нет, – пробормотал Эш. С тех пор как его выгнали из дома Углии, жители деревни обходили Эша стороной, шепчась о том, что он сделал, когда тот проходил мимо. Они избегали смотреть Эшу в глаза, а если такое случалось, их улыбки быстро гасли. Он к этому уже привык, хотя и никак не мог избавиться от ощущения, словно у него на сердце тяжёлый камень. «Я даже не знаю, что сделал не так, – думал он про себя. – Неужели всё из-за того, что я пел? Я знаю, что нарушил табу, но это всего лишь колыбельная. Я никому ничего плохого не сделал!»

– Тогда не ешь его, – сказал Тобу, беря деревянный табурет, который казался маленьким в его огромной ладони. Йети осторожно поставил его на пол и аккуратно опустил своё внушительное тело на сиденье, отчего деревянные ножки табурета заскрипели и затрещали. Тобу откусил свой краснокорень, и Эш с мрачным удовлетворением отметил, что на один из его глаз навернулась слеза.

Эш попытался откусить свой краснокорень, но проклятое растение было настолько жёстким, что в него пришлось покрепче вцепиться зубами и тянуть изо всех сил. Когда ему наконец удалось немного отгрызть, рука Эша отскочила и больно ударилась о стол. Он схватился за ноющую руку, опустив взгляд в тарелку и тяжело дыша.

– Я уже говорил тебе раньше, – заметил Тобу. – Ты должен тренировать своё терпение и упорство, мальчик. Ты должен…

– Почему ты ушёл из своего клана? – перебил Эш, чтобы избежать очередной лекции. Тобу очень нравилось их читать. Но йети ничего не ответил, захрустев своим корнем.

– Как устроены кланы йети? – снова попытался Эш.

– Ешь, – ответил Тобу, нахмурив брови.

Эш проглотил кусочек корня, который до этого жевал не меньше десяти минут. Потом откусил ещё кусок и поморщился. Значит, Тобу не в настроении болтать. Впрочем, ничего нового.

После того как они дожевали свой «завтрак» и Эш едва пережил очередную скучную утреннюю тренировку, настало время присоединиться к остальным детям крепости на куда более весёлом уроке. Тобу и Эш вошли в деревню вместе – йети собирался участвовать в дневном походе за едой и припасами, которые были необходимы для жизни в крепости. Перед тем как они разделились, Тобу подтолкнул Эша в спину – явно пытаясь подбодрить его, но вместо этого сбив с ног.

Тот мог бы поклясться, что видел нечто похожее на искорку иронии в глазах йети.

– Прости, Эш. Я всё время забываю, какой ты хрупкий и лёгкий. Впредь постараюсь запомнить.

– Поторопись, юный Эш! – позвал надтреснутый старческий голос его учителя – Несущего Свет Дыма. Он стоял неподалёку с остальными детьми Огнии, которые тихонько хихикали. – Некогда прохлаждаться в снегу; тебе нужно на урок. Да, да, истинно тебе говорю!

Несущие Свет – священники, которые могли говорить с духами огня, – отвечали за то, чтобы в крепости всё время горели огни – иногда единственные источники света в тёмных деревнях холодного Снежного моря. А ещё они отвечали за то, чтобы нести свет знаний детям крепости.

– А теперь рассаживайтесь вокруг меня. Если вы, дети пурги, не хотите стать едой для чудовищ, я советую вам прочистить уши и внимательно послушать то, что я скажу. Да, истинно вам говорю! – объявил Дым, как только Эш присоединился на южной стене к остальным ученикам. Старик опёрся на свой жезл. Осколки солнечных камней сверкали на мехах его плаща, как сияющий янтарный дождь. Он кивнул, довольный собственной мудростью, в его бороде блестели капельки слюны.

– Быть охотником – покидать безопасность наших стен – означает встречать лицом к лицу почти неизбежную смерть! – Дети, все как один, сглотнули. – Как вы все знаете, нет страшнее врага для обитателей разбросанных повсюду крепостей, чем левиафаны. Скрытни, проворники – не так важно, каков их вид, они все куда опаснее, чем голод, чем набеги Призраков. Да, опаснее даже холодной ярости самой Ледяной Старухи. – Дым театральным жестом указал на безжизненные снежные равнины вокруг. – Голодные твари, которые прячутся под снегом, постоянно настороже, истинно вам говорю, постоянно в ожидании, когда кто-то достаточно отважный или глупый ступит на снег. Чтобы пережить такую опасность, вы должны впитать добытые по`том и кровью секреты охотников Огнии, которые передавались из поколения в поколение, истинно вам говорю!

Несущий Свет прохаживался перед классом во время своего монолога; его подбородок нервно дёргался вверх и вниз, а изо рта свисала ниточка слюны, готовая в любой момент сорваться. Эш стоял рядом со Светом, Блестией и Заром, единственными в крепости детьми, которые, похоже, не верили в то, что он может быть Ткачом Песен. Эш даже мог назвать их друзьями. Они изо всех сил пытались не встречаться взглядами с Дымом на случай, если тот решит задать им вопрос.

Вдруг кто-то из детей встревоженно закричал, указывая за стену.

– Несущий Свет! Ч-что это?

Снег внизу был неспокоен. Под ним что-то двигалось.

– Ага! Что я вам говорил? – прокричал Дым. – Они здесь! Подходите сюда, дети, и вы увидите нечто настолько ужасное, что ваши волосы сразу станут такими же седыми, как мои.

Эша сильно толкнули, когда класс рванулся вперёд, чтобы взглянуть поближе.

– Прочь с дороги, песенный урод! – фыркнул Растай, самодовольный долговязый мальчишка постарше. Растай был самым нелюбимым для Эша человеком во всей крепости. За ним, своим лидером, вплотную следовали с восторженной болтовнёй его подобострастные прихвостни Ломм и Бой. Эш промолчал и отошёл от задир как можно дальше, прежде чем посмотреть за стену.

Дети затаили дыхание.

Всё было спокойно.

Всё было тихо.

И тут…

– Вон там! – прошептал Дым, брызгая слюной. По равнине, оставляя за собой следы, быстро перемещался холмик снега. Что-то двигалось на звуки крепости, возможно, на скрежет открывающихся западных ворот, через которые выходил охотничий отряд. Холмик скользил к утёсу Огнии.

Дети ахнули.

В горле у Эша пересохло, его пальцы вцепились в каменную стену. Холмик был совсем рядом, и тут… из-под снега высунул голову маленький снежный зайчонок.

Все дети одновременно застонали от разочарования. Заяц запрыгнул на основание утёса и начал принюхиваться. Потом оставил немного помёта, чтобы показать, что утёс ему не интересен, и, последний раз поведя носом, зарылся обратно в снег, скрывшись из виду. Дым закашлялся.

– Да, хорошо. Кхем. Разумеется, левиафаны – непредсказуемые твари, и нельзя сказать наверняка, когда они нападут. Но будьте уверены, они нападут, да, да, истинно вам говорю!

– Эм… учитель? – сказал один из детей, указывая на своего соседа, который слегка подпортил штаны в самый напряжённый момент.

– О, великие духи, какой кошмар! – выругался Дым, потянув себя за бороду. – Так тебе не стать отважным охотником, нет, нет, истинно тебе говорю!

– Пойдём, – зашептал Свет своей команде. – Они так долго будут возиться. Хотите по-быстрому сыграть в огнебол, пока старик отвернулся?

Друзья заулыбались. Конечно, они были не против. Что могло пойти не так?

Как выяснилось, много чего.

3. Звук ветра

Эш пришёл в себя, задыхаясь и брыкаясь, пока не осознал, что снова находится в безопасности своего гамака, а не болтается над голодными челюстями скрытней, борясь за свою жизнь. Должно быть, он крепко уснул, пока Тобу нёс его в сторожевую башню. Голова болела, а каждый мускул в теле ныл, словно мальчик подрался с огромным моржом.

Одевшись, Эш сдвинул меховой полог, который отделял его гамак от остального пространства башни и дарил слабое ощущение уединённости. За ним он обнаружил хмурого Тобу, который ждал его пробуждения со странной смесью разочарования и беспокойства на лице.

– Тобу, п-прости, – наконец сказал Эш. – Я знаю, что мы не должны были там находиться. Я пытался сказать им, но…

– Ты должен научиться подавлять это желание, – перебил его Тобу.

Эш растерялся.

– Какое именно? Играть в огнебол?

– Желание петь, – прорычал йети.

Ах.

– Я не…

– Ты почти сделал это. Я видел по твоим глазам.

«Вот оно, – подумал Эш, – доказательство сверхчеловеческой чувствительности йети. От него ничего не скроешь!»

– Ещё пара секунд – и ты бы разрушил свою жизнь. И мою жизнь тоже, – сказал Тобу. – Ты знаешь законы Огнии. Тебе нельзя петь. Но с твоих губ чуть не сорвалась совсем не детская песенка.

Как Тобу понял всё это?

– Нет… просто… я чувствовал, что у меня нет выбора! Я хотел спасти Света… и себя… и я н-не знаю почему, но мне показалось, что пение помогло бы, словно… не знаю… словно пение могло бы успокоить скрытней… – Эш умолк, понимая, как нелепо всё это звучит.

– Не важно, что ты чувствовал. Ты знаешь правила, и ты должен им подчиняться.

– Когда левиафаны поют… я это слышу. Я слышу, что они говорят, – признался Эш.

На какой-то краткий миг Тобу казался удивлённым. Эш продолжал:

– Я пытался рассказать об этом одному из моих прошлых опекунов, и он посмотрел на меня как на сумасшедшего. Но я не сошёл с ума – уверен, это не так. Левиафаны говорят со мной… и я думаю, что мог бы петь им в ответ, если бы только…

– Нет, – голос Тобу звучал тихо, но твёрдо. – Ты не должен этого делать, Эш. Никогда.

– Да что ты вообще знаешь? – пробормотал Эш себе под нос так, чтобы Тобу его не услышал.

Но тот услышал.

– Я знаю достаточно, чтобы понимать, что тебе ни в коем случае нельзя петь. Что бы ты там ни чувствовал, ты должен найти другие способы защищаться от левиафанов – как и все остальные. – Тобу отвернулся и направился к стойке с оружием, стоящей у стены. Каждое его движение было полно силы и смысла, и Эш вспомнил, как раньше боялся своего нового опекуна. Тобу взял с полки пращу.

– Идём, – сказал он.

Эш пришёл в ужас. Опять тренировки?!

– Меня чуть не съели сегодня! Могу я хоть немного передохнуть?

– Ты хочешь стать охотником? – прорычал Тобу. – Ты хочешь выжить, когда скрытень снова на тебя нападёт?!

– Д-да, – тихо ответил Эш.

– Тогда пойдём.

Эш прищурился, глядя на груду булыжников, которые Тобу сложил в качестве мишени на внушительном расстоянии от них. Он задержал дыхание и начал

раскручивать пращу, верёвки натянулись под тяжестью камня, со свистом описывая широкие круги.

– Ты слишком напряжён. Дыши, – посоветовал Тобу, который зловеще возвышался за его спиной.

«Да дышу я, – подумал Эш, начиная злиться. – Как бы иначе я жил?»

Он запустил камень в воздух и увидел, как тот летит по изящной дуге, завершив своё падение у ближайшего валуна. Эш выругался.

– Ты слишком нетерпелив. Как обычно, тебе не хватает концентрации. – У Тобу был настоящий талант указывать Эшу на то, в чём он был плох.

– С луком у меня получается гораздо лучше! – попытался оправдаться Эш (хоть это была и не совсем правда).

– Но сейчас-то у тебя в руках не лук. Сосредоточься.

Эш вздохнул и положил новый камень в кармашек пращи.

– Ты должен слушать, что тебе говорит мир, – сказал Тобу. – Почувствуй движение снега под ногами и твёрдость земли глубоко под ним. Почувствуй, как нежен воздух вокруг, как он баюкает тебя, движет тобой. Услышь звук ветра и то, что он хочет тебе сказать.

Тобу должен учить Эша выживанию, а вместо этого говорит что-то про ветер?! Если йети так хотел послушать ветер, ему стоило взять с собой Зара.

И всё же Эш решил хотя бы попытаться послушать. Он слышал ветер, конечно, но было не похоже, что тот о чём-то говорит. Эш чувствовал снег под своими ботинками и, несомненно, ощущал, какой тот холодный и как сильно хочется поскорее вернуться домой. Он чувствовал воздух, суровый и обжигающий,

каждый раз, когда делал вдох.

Эш выпустил камень и опять промахнулся.

И снова.

И снова.

О духи, как же он ненавидел пращи. Эш стиснул зубы от отчаяния.

– Ты не слушаешь! – заревел Тобу.

– А что я могу поделать, если ты на меня кричишь?!

Тобу выглядел так, словно хотел закричать снова, но остановился и вздохнул.

– Я не должен был кричать на тебя. Но разве скрытни переставали рычать, когда охотились?

Эш молчал.

– Нет, – ответил Тобу за него. – Именно тогда, когда вокруг царит хаос, ты должен быть максимально сосредоточен.

С этими словами Тобу забрал пращу из рук Эша, плавно крутанул её всего один раз и отправил камень лететь в мишень, где тот аккуратно сбил самый верхний булыжник. Эш поймал себя на том, что стоит с широко открытым ртом.

Протянув пращу обратно Эшу, Тобу начал взбираться по лестнице на смотровую башню.

– Ты сможешь сделать это, если сосредоточишься. Продолжай пробовать, пока не попадёшь в цель – тогда ты сам себе удивишься.

«Это вряд ли», – подумал Эш.

И оказался прав.

4. Подарки на память

Поздно ночью – очень, очень поздно – Эш обессиленно рухнул в свой гамак. У него всё же получилось попасть в ту дурацкую мишень, и его намозоленные пальцы сводило болезненными судорогами.

Выше, среди балок, в тишине и молчании, лежал в своём гамаке Тобу. Эш был измотан, но уснуть никак не получалось. Каждый раз, как он закрывал глаза, перед ним вставал образ извивающихся тел, блестящих клыков и неистово скребущих когтей.

По его холодным щекам побежали обжигающие слёзы. Нападение скрытней было ужасным, и Эш больше всего хотел, чтобы кто-нибудь просто обнял его и пообещал, что всё будет хорошо. Он подумал о Тобу и вполголоса горько засмеялся. «Это вряд ли…» В такие моменты Эш сильнее всего скучал по своим родителям. Хотя он никогда их не знал, но был уверен, что они любили Эша и смогли бы его успокоить.

«Где вы? – позвал он в своей голове. – Мама, папа… вы так мне нужны».

Вытерев глаза, Эш встал, оделся и выскользнул на крышу смотровой башни. Холодный ветер трепал мех на его плаще. Внизу, совсем близко, лежала деревня, которая сейчас казалась Эшу совершенно чужим миром. Он всегда чувствовал себя оторванным от остальных огниев, но теперь пропасть между ними казалась непреодолимой. Эш видел, как мерцают под защитой высоких

стен огни ламп, сияют, словно звёзды в ночном небе – единственные источники света на много километров вокруг. Это было умиротворяющее зрелище, думал Эш, даже красивое, но немного одинокое. Или одиноким себя чувствовал он сам?

Зданий, сгрудившихся внизу, было слишком много, чтобы их сосчитать. И всё же, какой бы большой ни была деревня, когда ты вынужден вечно оставаться в её стенах, она начинает казаться совсем маленькой. Казаться чем-то вроде тюрьмы.

Было холодно, но Эшу очень нравилось здесь, на крыше.

Тут было так мирно… И только тут он мог тайком послушать загадочные Песни, которые доносил до него зябкий ветер.

Ему повезло – в ту ночь левиафаны Пели хором.

В отличие от остальных жителей Огнии, Эш находил эти звуки приятными. Он не слышал, что именно говорили левиафаны – возможно, они совсем ничего не говорили, – но сама Песнь была спокойной и печальной; низкий вой и мрачные стоны были совсем не похожи на яростный боевой клич, который Эш слышал этим утром. Пока снежный ветер трепал его спутанные чёрные волосы, Эш запустил руку под мех плаща и вытащил окарину. Это был единственный подарок, который родители оставили ему перед исчезновением, и Эш очень ею дорожил.

Он поднёс окарину к губам. Здесь никто не услышит, как он играет, если он будет играть тихо.

«И вообще, Тобу запретил мне только петь; он ничего не говорил об инструментах».

Эш присоединился к печальной мелодии левиафанов. Он позволил их Песни окутать себя, и на мгновение, которое показалось Эшу вечностью, он словно

оказался в совершенно другом месте. Там, где не было Тобу, не было одиночества, не было проблем. Там, где Эш чувствовал себя в безопасности. Там, где он чувствовал себя как дома.

И, несмотря на события прошедшего дня, Эш ощутил знакомое желание ответить на мелодию своей собственной Песнью.

Он убрал окарину и затряс головой, чтобы прояснить мысли и сбросить чары Песни.

«Я не должен этого делать. Я не должен. Это опасно. Тобу достаточно ясно дал мне понять».

И Эш решил довольствоваться тем, что забормотал под нос слова родительской колыбельной.

Не прощаемся мы, хоть пора уходить, —

Мама с папой тебя будут вечно любить.

Там, где Матерь Солнце начинает сиять,

Мы тебя ожидаем, чтобы крепко обнять.

Стены можно сломать и за них уйти,

Ты ответы найдёшь на своём пути…

Он помнил совсем немного слов, но был уверен, что мелодия останется в его памяти навсегда. Сердце Эша теплело каждый раз, когда он слышал её; полное любви послание родителей окутывало его покоем, защищая от ужасных вещей, которые потрясали его мир. В этих словах, казалось, была какая-то магия – магия, которая наполняла Эша надеждой. А иногда, когда он пел, Эшу казалось, что он видит смутные, расплывчатые очертания лиц. И если он постарается достаточно сильно, то очертания станут чётче. Словно к этим воспоминаниям можно будет прикоснуться и жить в них.

Тёплый, уютный огонь в камине. Два улыбающихся счастливых лица, которые со светлой радостью смотрят на него сверху вниз. Его родители – Эш был в этом уверен. Но едва начинало казаться, что картинка становится чётче, лица снова

расплывались, терялись в метели времён, и Эш снова оставался один.

Иногда Эш даже осмеливался поверить, что колыбельная – это особое послание, оставленное ему родителями, некий секрет, подсказка о том, куда они ушли и почему. Эш был одержим теми немногими словами, которые мог вспомнить, и прокручивал их в голове раз за разом, пытаясь найти смысл:

Стены можно сломать и за них уйти,

Ты ответы найдёшь на своём пути…

Нетрудно было догадаться, что колыбельная подсказывает ему покинуть стены Огнии и, возможно, отправиться на восток, «к свету Матери Солнца»… Всё-таки оно просыпалось на востоке. Но это было невозможно. Восток, запад, юг или север – далеко за стены не мог уйти никто, даже охотники. В песне должно было быть что-то ещё, что Эш упустил.

Но в глубине души он понимал, что всё это чепуха. Фантазия, рождённая его одиночеством.

В конце концов, это была просто колыбельная.

Внезапно на Эша упала тень.

Он резко обернулся и ахнул, увидев Тобу у себя за спиной. Лица родителей ещё горели перед его мысленным взором, но они уже начали исчезать, как тени на солнце.

– Я же запретил тебе петь, – сказал Тобу.

– П-прости. Это просто колыбельная, которую мне пели родители… У меня больше ничего не осталось… – голос Эша дрогнул, когда он спрятал окарину обратно под плащ. Ему показалось или выражение лица Тобу немного смягчилось?

– Я запретил тебе петь ради твоей же безопасности.

– Я знаю, – ответил Эш.

– Особенно эту… колыбельную, – буркнул Тобу. – И тебе стоит хорошенько подумать, кому ты её поёшь… Это мне говорит Ткань Мира. А теперь иди в кровать.

Эш зажмурился, пытаясь в последний раз увидеть лица родителей, но безуспешно. Они исчезли. Песнь левиафанов словно отразила его печаль, когда Эш последовал за Тобу обратно в сторожевую башню, где наконец погрузился в глубокий сон без сновидений.

Следующим утром Эш решил попытаться вытянуть из своего опекуна-йети какую-нибудь информацию. Было ясно, он кое-что знает о пении – и, возможно, расскажет Эшу побольше о той таинственной Ткани Мира. Тобу был в относительно хорошем настроении. В те редкие свободные минуты, когда йети не был занят работой по дому, охотой или медитацией, он вырезал из дерева фигурки. Что именно Тобу пытался вырезать, Эш так и не понял. Фигурки были похожи на маленькие деревянные… шарики, может быть?

«Наверное, это могут понять только йети», – подумал Эш. Чем бы ни были эти фигурки, густые брови Тобу были нахмурены чуть меньше, чем обычно, и Эш решил, что ему весело. Или нет? Трудно было сказать наверняка.

Поэтому, набравшись смелости, Эш оторвал взгляд от копья, которое Тобу поручил ему заточить, вздохнул и спросил:

– Что такое Ткач Песен?

Тобу поднял глаза от маленькой деревянной фигурки, которую вырезал. Он уже отложил в сторону три предыдущих шарика, явно недовольный их формой.

– Это проблемы людей, – сказал он через некоторое время.

– Пожалуйста, Тобу, – сказал Эш, садясь в своём гамаке. – Я чувствую, ты что-то знаешь, и я тоже должен это узнать. Я должен знать, что люди думают обо мне… и почему.

Тобу тяжело вздохнул. Эш уже было решил, что ничего не добьётся от своего опекуна, но Тобу вдруг заговорил. Он говорил медленно, словно очень тщательно подбирал слова:

– Ткачи Песен – это те, кто может петь Песнь левиафанов. Это не просто какая-то песня или стих, но сама Песнь природы, Ткань Мира. Говорят, что Ткачи Песен способны «разговаривать» с левиафанами, если их навыки достаточно развиты.

Эш почувствовал, как по его спине к кончикам пальцев пробежал холодок.

Он ощущал связь с левиафанами, когда они пели.

Он ощущал почти неудержимое желание петь вместе с ними.

Но ведь он не Ткач Песен. Или?..

– Почему это так плохо? – спросил Эш, пытаясь унять дрожь в руках. – Почему огнии так боятся меня, даже если я такой? Разве… разве возможность говорить с левиафанами – это не потрясающе? Мы могли бы попросить их оставить нас в покое!

– Мрачная тень лежит на истории Ткачей Песен. У любой медали есть две стороны. Ткань Мира – ничто, если в ней нет баланса. Ткачи Песен говорят с левиафанами, но и левиафаны могут им отвечать. И учитывая… события прошлого… большинство людей опасаются, что левиафаны могут подчинять человеческий разум своей воле и использовать их как оружие против крепостей. Из-за этого страха большинство Ткачей Песен были изгнаны со своей родины; именно из-за него в Огнии приняли закон, который запрещает любую музыку – просто на всякий случай.

Эш недоверчиво покачал головой. Ему уже не удавалось унять дрожь в руках.

«Я не Ткач Песен. Я просто не могу им быть».

– Что я могу… что может сделать Ткач Песен, чтобы не допустить этого? Я имею в виду контроль разума, – спросил Эш, изо всех сил стараясь, чтобы его голос не дрогнул.

– Не знаю, – ответил Тобу. Похоже, он собирался закончить разговор, но увидел страх в глазах Эша. – Лучшее, что может сделать Ткач Песен, – держать рот на замке и ни в коем случае не петь. Как я тебе и говорил.

Эш почувствовал себя так, словно его тело сбросили с высокой скалы, а сердце осталось наверху. Значит, ничего не поделаешь. Придётся перестать петь. Даже колыбельную, отчего сердце Эша разрывалось от боли. Но может… может, тогда с ним не случится ничего плохого? Может быть, какая-то крошечная частичка Ткача Песен, которая живёт в нём, ослабнет и исчезнет и он снова станет нормальным?

– Как ты думаешь, я злой? – выпалил Эш. – Если я и правда Ткач Песен, это значит, что я злой?

– Я слишком мало об этом знаю, – сказал Тобу, что не очень обнадёживало.

Эш на мгновение замолчал.

– Я не чувствую, что я злой. Я стараюсь быть добрым, – сказал он наконец.

– Мир использует тех, кто слаб, – проворчал Тобу в ответ, вонзая резак в очередную деревянную каплю, его лицо превратилось в бесстрастную маску.

– Я не думаю, что быть добрым – это слабость, – возразил Эш. – Может быть, ткачество Песен можно было бы использовать во благо, если бы люди не были такими предвзятыми. Оно могло бы спасать людей. Оно… оно могло бы расчищать путь саням следопытов, помогать доставлять еду и лекарства во все крепости мира! Оно могло бы…

– Хватит! – Тобу прорезал дерево насквозь; скульптура была испорчена (или стала лучше? Трудно было сказать). В глазах йети полыхнул огонь. Эш приготовился к взрыву ярости, но вместо этого Тобу сделал глубокий вдох… и потянулся за новым куском дерева. Эш тихо выдохнул с облегчением.

– Не обольщайся, мальчик. Люди не могут справедливо судить о том, что их пугает.

– Не похоже, что ты боишься меня, – осмелился заметить Эш.

– В этом мире есть много вещей, которых я не понимаю. Но это не значит, что я должен их бояться. – Эш задумался над его словами. – А ещё я видел твои охотничьи навыки. Если судить по ним, у меня нет ни одной причины тебя опасаться.

Эш закатил глаза. «Что за ужасные, ужасные дни. Хорошо хоть, что завтра праздник. По крайней мере, я смогу отвлечься от всего этого». Он каждую зиму с нетерпением ждал Праздника тысячи огней. Это был грандиозный праздник в честь Матери Солнца; все жители крепости надевали яркие костюмы, изображающие духов огня, чтобы помочь прогнать Ледяную Старуху.

Тут, словно прочитав мысли Эша, Тобу сказал:

– Я думаю, тебе лучше какое-то время не показываться в деревне.

– Что?! Но почему?!

– Мы должны убедиться, что ты можешь контролировать свои порывы. Жители деревни напуганы. Я не знаю, что они могут сделать с нами, если ты снова потеряешь контроль. Если ты попытаешься петь, – Тобу поднял взгляд от своей фигурки и заметил разочарование Эша. – Не волнуйся, – сказал он с самым сочувственным лицом, которое Эш когда-либо видел у йети, – ты продолжишь тренироваться здесь. Скучно не будет.

5. Праздник Тысячи Огней

Духи огня танцевали в ночном небе, как мерцающие бирюзовые огоньки на фоне усыпанной звёздами черноты. Несмотря на мольбы и протесты Эша, Тобу настоял на том, чтобы он не ходил на праздник, а остался дома и посвятил вечер стрельбе из лука. Эш не удивился, но от этого его гнев не стал меньше.

Это была особенная ночь. Всего одна ночь, но Тобу не позволил ему даже этого.

Гул воодушевлённых, счастливых голосов доносился из деревни вместе с аппетитным запахом готовящегося пира. Эш знал, что сегодня по всей крепости зажигаются факелы всевозможных размеров. Праздник знаменовал окончание самых холодных зимних лун и приход согревающих объятий Матери Солнца (хотя это означало лишь то, что дни теперь станут просто холодными, а не пробирающими до костей). Вся деревня будет пировать и веселиться до рассвета. Тобу ненавидел праздники. «Он точно имеет что-то против танцев и весёлых людей», – подумал Эш. Но Тобу приглашали каждый год, и неизменно, подобно восходу и закату самой Матери Солнца, каждый год он ходил туда, словно от этого зависела его честь.

Как только Тобу ушёл, ворча себе под нос о том, какой пустой тратой драгоценных ресурсов был праздник, Эш опустил лук и забрался на крышу, чтобы подумать о тех немногих вариантах, что у него были.

– Может, мне стоит пойти тайком? – спросил он себя, глядя на запад, в сторону деревни. Эш видел тёплый, манящий свет костров и дым, поднимающийся над стенами. На крыше рядом с ним лежала последняя работа Тобу. «Надеюсь, он не начнёт приходить сюда, – с горечью подумал мальчик, – это единственное место, где я могу спрятаться!» Но, глядя на скульптуру, Эш должен был признать, что у йети получалось всё лучше и лучше. Эта фигурка была похожа на шарик с глазами.

– А ты как думаешь, глазастый шарик? – спросил Эш у скульптуры. – Я знаю, Тобу не хочет, чтобы я был рядом с остальными, но, может быть, во всём виноват только его угрюмый характер? Может быть, в крепости поймут, что было довольно грубо отправить меня сюда к ворчливому йети, и позовут обратно,

чтобы я снова стал нормальным огнием? – Эш упёр руки в бока и попытался изобразить старосту Кострана. – «Я был так неправ, Эш! Очень, очень неправ. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? – А потом он упадёт на свои большие старые колени и скажет: – Пожалуйста, вернись к нам, умоляю тебя! Ты – герой Огнии, и истории о твоей силе и доблести будут жить веками!» – «Ладно, ладно, – скажу я. – Я вернусь в деревню, если ты так настаиваешь, но при одном условии: поднимись с колен. Ты меня смущаешь!»

Эш замолчал и задумался. Его улыбка дрогнула.

– Да, ты прав, глазастый шарик. Это вряд ли. – Пальцы Эша сводило болью – напоминание об усердных тренировках в стрельбе из лука. – Может быть, если я расскажу, как ужасно Тобу со мной обращается, меня спасут из его злых когтей? – фигурка смотрела на него грустными несимметричными глазами. – Знаю, знаю. Это же он тебя сделал, я всё понимаю. И, может быть, он не такой и ужасный. Но ты должен признать, что он большой ворчун. Что плохого мне могут сделать в крепости, если я вернусь? Прогонят меня в дикие земли? – Эш замолчал, заметив, как над Снежным морем вспорхнула стая белых птиц. Через пару секунд снежную гладь вспорол огромный спинной плавник и, оставив за собой смутный белый туман, нырнул обратно в глубину. Эш пристально всмотрелся туда, откуда он появился, но его уже нигде не было видно. Эш поёжился.

– Ладно, может быть, изгнание в дикие земли – это довольно плохо. – Мальчик барабанил пальцами по крыше. Наконец он остановился и вскинул руки. – Нет, я решил – я пойду туда! Не пытайся остановить меня, глазастый шарик, я всё равно сделаю это! Я должен. Только посмотри на меня – я сижу здесь и разговариваю с деревяшкой! – с этими словами Эш бросился к своему гамаку и вытащил из-под мехового покрывала неказистую маску, которую ему удалось сделать тайком. Она изображала Лучина, его любимого духа огня. Маска выглядела не очень-то эффектно, но она поможет скрыть лицо – а это ведь главное, верно?

«Я не могу это пропустить, Тобу, каким бы большим и страшным ты ни был».

Затем Эш соскользнул вниз по лестнице сторожевой башни, быстро огляделся, убеждаясь, что Тобу нигде не видно, и побежал по мосту в деревню.

В крепости царила атмосфера радости и восторга. Эш не мог сразу проникнуться духом праздника, хоть и пытался. Сквозь толпу пробирался крупный мужчина в маске улыбающегося духа, держа в руках блюдо засахаренных корней. Он налетел на Эша, едва не уронив сладости тому на голову.

– Прости, малыш! – прогрохотал он.

– Н-ничего, – ответил Эш, проверяя свою маску.

– Вот, возьмёшь один в качестве извинения? Стащил прямо с кухни, да!

Как только он договорил, над смеющейся толпой прогремел сердитый голос:

– Куда делся этот негодник с моими корнями?! Я утоплю его в бочке с карамелью, как только поймаю, клянусь! – кричала повариха.

Мужчина приподнял маску, под которой было обветренное бородатое лицо, и подмигнул Эшу.

– Давай же, парень, пока она меня не нашла!

Эш взял засахаренный корень, и мужчина с блюдом побежал дальше под одобрительные возгласы толпы. Развернувшись лицом к одному из зданий, чтобы его не узнали, Эш немного приподнял маску, чтобы положить сладость в рот. На вкус корень был просто изумителен. Он был сладким и немного подкопчённым, хрустящим внутри, и просто таял во рту, пока Эш жевал. «С краснокорнем точно не сравнить».

Пробираясь сквозь празднующую толпу, он заметил Зара, Света и Блестию, надевающих маски. Набравшись храбрости, Эш направился к ним.

– П-привет, ребята! – поздоровался Эш.

Те прищурились, словно пытаясь разглядеть его через маску. Эш слегка приподнял её, стараясь, чтобы не слишком много людей увидели его лицо.

– Эш? – спросил Свет.

– Ага. Вы не будете против, если я побуду с вами? – спросил Эш. Предупреждение Тобу о том, что крепость всё больше боится того, кем может оказаться Эш, эхом звучало в его голове. Заметил ли Свет, что Эш собирался петь во время нападения скрытней, как это сделал Тобу?

Друзья переглянулись. Зар прокашлялся. Эш затаил дыхание.

– Ну, мы вместе пережили нападение скрытней… Это значит, что мы практически семья, верно? – сказал Свет, на его лице расцвела широкая улыбка.

В груди у Эша потеплело. Он почувствовал такое облегчение, что даже рассмеялся.

– Думаю, что так оно и есть, – ответил Эш. – Классные маски, ребята!

Зар сделал себе жуткую маску Ледяной Старухи, Блестия смастерила прекрасную маску духа огня, украшенную цветными ястребиными перьями и костяными рогами, а Свет… Свет просто наклеил на лицо кусочки меха снежного зайца.

– Спасибо! Ты как раз вовремя, – сказал он. – Как думаешь, что изображает моя маска? Это же очевидно, да?

Эш присмотрелся внимательнее.

– Хм… ты пытался сделать вид, что у тебя есть борода?

– Что? Нет! Очевидно же, это снежный медведь!

– Ох, точно, – сказал Эш. – Это была моя вторая мысль.

– Вот-вот! А Блес сказала, что я выгляжу как дурак. – Свет недоумённо покачал головой.

– Я не говорила, что ты выглядишь как дурак, – поправила его Блестия, – я сказала, что ты выглядишь по-дурацки. Это большая разница.

– Вот оно что, ха-ха, – ответил Свет. – Я же говорил, что моя маска будет гораздо лучше, чем прошлой зимой!

– Прошлой зимой ты вместо маски надел плащ задом наперёд и натянул на лицо капюшон, – заметила Блестия, и Зар расхохотался.

– Твоя маска выглядит великолепно! – солгал Эш, не желая ранить чувства Света. Он был уверен, что Блес снова закатывает глаза под искусно сделанной маской, а Зар хихикает под своей, чудовищной.

– Ладно, хватит обсуждать Света и его неспособность хоть что-нибудь сделать нормально. Мы сегодня будем веселиться или нет? – сказала Блестия, направляясь в толпу.

6. Огонь

Везде, насколько хватало глаз, ели, пили и смеялись огнии; их причудливые маски были красочными и разнообразными, как духи, которых они изображали. Здесь была еда, о которой Эш в своей башне мог только мечтать; ароматы жареного мяса, приправ и испечённых на огне кексов заставляли рот Эша наполняться слюной. И по всей деревне, в каждом закоулке, горели огни. Факелы и свечи, висячие лампы и костры… Деревня сияла почти так же ярко, как сама Матерь Солнце!

Люди махали и приветствовали Эша с друзьями, когда те проходили мимо. Сначала Эш никак не мог привыкнуть к чужому дружелюбию. Он цеплялся за маску так, словно от неё зависела его жизнь, беспокоясь, что люди увидят его через маскировку, но очень скоро стало ясно – никто даже не догадывается о его личности. Эш заметил Тобу, который стоял в одиночестве в тени дома старосты с лицом настолько же светлым и сияющим, как грязная бурая шуга. Какой-то прохожий предложил ему маску, но йети пренебрежительно оттолкнул её.

«Эй, попытайся расслабиться хоть раз!» – подумал Эш и поспешил пройти мимо.

Чуть дальше несколько взрослых и детей столпились вокруг рассказчика, захваченные историей о путешествии следопыта к величайшей крепости из всех – Авроре.

– Итак, наш герой отправился дальше, чем вы все можете представить, скользя по океану льда на своих огромных санях! – рассказчик низко наклонился, а затем подпрыгнул высоко вверх, сильно жестикулируя, чтобы изобразить, насколько огромные расстояния пришлось преодолеть герою по Снежному морю. – И когда его путешествие наконец подошло к концу, перед следопытом ярко засияло сокровище Снежного моря. Сердце героя затрепетало при виде великолепия Авроры!

Такие истории всегда будоражили воображение Эша. Он часто представлял, как покинет стены Огнии и отправится вслед за родителями по дороге приключений, сядет в сани и уедет в дикие земли. Что за чудеса там ждут! Что за пейзажи! И лучше всего – Аврора. Самое большое поселение в мире. Центральная крепость, место встречи следопытов. Эш слышал удивительные истории об этом месте, о его высоких шпилях и памятниках, которые могли построить только великаны, – но, разумеется, Эш никогда не видел этого собственными глазами. О духи, как чудесно было бы однажды самому отправиться туда!

Затем друзья остановились поглазеть на захватывающее зрелище: танцы с огнём. Каждый танцор держал длинный шест, оба конца которого пылали, и вращал его сложными движениями, описывая широкие круги. Даже когда казалось, что танцоры вот-вот заденут друг друга своим пламенем, они ловко уворачивались под восхищённые возгласы зрителей. Весь танец проходил в почти полной тишине; танцоры двигались лишь под треск костров да свист шестов. Эш не мог не думать о том, насколько впечатляющим и захватывающим было бы это зрелище с музыкой. Барабаны, окарины… песни.

– Не хочешь попробовать? – засмеялась девочка-танцовщица, протягивая Эшу запасной огненный шест. Она была примерно одного роста с Эшем и носила маску духа скалившейся волчицы.

– Я-я? Я не очень… – начал Эш, но возражать было бесполезно. Девочка потянула его в круг танцоров, вложила ему в руки горящий шест и подняла свой.

Эш снова попробовал отказаться.

– Я не знаю как!

– Я тебе покажу! – ответила девочка. Она начала медленно вращать шест, и Эш постарался повторить за ней. Он чувствовал, что его руки путаются, что языки пламени проходят слишком близко от маски, которая вдруг показалась Эшу слишком большой и горючей. Но девочку это, похоже, нисколько не беспокоило. Танцовщица вертелась и кружилась вокруг него, смеясь и подбадривая. Её веселье оказалось заразительно. Эш тоже начал смеяться, хотя он, наверное, был похож скорее на безумного улка, чем на танцора.

– Вот теперь ты всё понял! – обрадовалась девочка. Зрители хлопали в ладоши и подбадривали танцующую пару.

Эшу хотелось, чтобы этот танец никогда не заканчивался. Казалось, он мог бы танцевать так всю ночь, танцевать вечно.

Но в конце концов Эшу и девочке пришлось отойти в сторону, чтобы перевести дух. Он положил свой шест на плечо, обливаясь потом, несмотря на холод.

– Ничего себе, это огонь! – сказала девочка.

Эш улыбнулся. Он подозревал, что девочка просто пытается быть вежливой, но всё же оценил её слова.

– Похоже, я всё-таки начал понимать, что к чему, да? – сказал Эш.

– Нет, я хотела сказать, что ты горишь, – сказала девочка.

Глаза Эша широко распахнулись, когда он понял, что раскалённый конец шеста поджёг мех у него на плече.

– Ой! – он упал на мокрый снег и начал кататься, отчаянно пытаясь потушить огонь, а девочка помогала ему сбить пламя. Когда стало ясно, что Эш больше не горит и вряд ли подожжёт что-нибудь ещё, они оба рассмеялись.

– Эй, а кто ты такой? – спросила девочка в перерыве между приступами смеха. – Я имею в виду, под маской? – она подняла свою и показала лицо. Это была Сия, девочка, которая даже не взглянула бы на Эша на уроках.

Его живот свело тревогой.

– Э-эм… – начал Эш. – Прости, я… я только что вспомнил… мне…

– Эй! – как раз вовремя раздался голос Света. Он вклинился между Эшем и Сией. – Могу я пригласить тебя на танец? – спросил Свет, глядя на Сию и поигрывая бровями, и забрал у Эша шест. Сначала девочка явно не собиралась соглашаться, но выражение её лица стало дружелюбнее, когда Сия повнимательнее присмотрелась к Свету.

– Это костюм снежного медведя? – спросила она, берясь за свой шест. – Обожаю снежных медведей!

– Угадала! – сказал Свет, снова увлекая её в танец. Эш почти физически почувствовал, как Блестия закатывает глаза, наблюдая за этой сценой.

– Спасибо, – одними губами сказал он Свету. Тот улыбнулся, кивнул и раскрутил свой горящий шест таким широким жестом, что сбил маску с Сии.

Но прежде чем дети успели рассмеяться, в толпе вдруг воцарилась тишина. Словно повинуясь какому-то безмолвному приказу, люди одновременно затопали ногами. Словно забилось сердце самой крепости Огния.

Бум.

Бум.

Бум.

– Пора! – закричал один из жителей деревни.

– Огнии, готовьте свои дары! – воскликнул Несущий Свет, который казался лишь тёмным силуэтом на фоне Великого Костра, самого священного места в крепости. Этот гигантский костёр, как поговаривали, непрерывно горел уже двести лет. Когда вся деревня собралась вокруг священного огня, проходящая мимо пожилая женщина что-то протянула Эшу. Это была пятиконечная звезда, сплетённая из веток. «Звёздный дар…» Огнии плели эти звёзды и поджигали их перед самым рассветом, отпугивая ночь Ледяной Старухи и приветствуя Матерь Солнце.

Несущие Свет начали громко молиться, а толпа двинулась вперёд, опуская факелы в большой костёр. Огнии один за другим поджигали свои звёздные дары.

– Загадывай желание! – сказала пожилая женщина Эшу, когда тот вытащил свой факел из костра. Эш помедлил, а затем скользнул в сумрачный, скрытый от чужих глаз угол. Он приподнял маску, открывая лицо – чтобы духи точно поняли, кто загадал желание. Проглотив комок в горле, кивнул.

«Я хочу найти своих родителей. Я хочу настоящий дом… для моей семьи».

С этими мыслями он поднёс факел к звёздному дару, и тот сразу же загорелся. Огнии вокруг смотрели, как на звёздах танцуют и дрожат языки пламени. Это было так красиво… Эшу даже показалось, что с небес в крепость спустились настоящие звёзды. Словно услышав зов своих детей, над горизонтом начала подниматься Матерь Солнце, и ночное небо озарилось светом.

Глядя на восходящее солнце, Эш чувствовал, как его охватывает печаль. Праздник почти закончился. Скоро ему придётся вернуться в свою башню, обратно к Тобу, пока жители деревни не начали снимать маски. Пока люди не увидели, кто он такой.

АУУУУУ.

Эш был так погружён в свои мысли, что не сразу заметил звук рога, который доносился с крепостной стены, а вместе с ним отдалённые крики и вопли. Толпа беспокойно зашевелилась.

– Что происходит? – спросил кто-то.

АУУУУУ.

АУУУУУ.

Сердце Эша замерло, когда он понял, что именно слышит.

«Тревожный рог. Левиафаны… они нападают!»

7. Нет другого выбора

Эш присоединился к толпе огниев, которые бросились к зубчатой стене, отчаянно желая увидеть, что происходит. Сердце бешено колотилось, пока он взбирался по деревянным сходням. Люди толкались и напирали друг на друга, едва не переваливаясь через стену от любопытства. «Вон там!» С юга к крепости мчались сани следопытов, за ними, словно длинный белый хвост, поднималась снежная пыль.

Сердце Эша дрогнуло. Следопыты.

Все огнии радовались, когда приезжали следопыты, особенно потому, что в последние годы они невероятно редко появлялись так далеко к северу. Но для Эша их прибытие всегда было особенно волнующим. В глубине души он до сих пор надеялся, что родители вернутся за ним, заберут с собой, и всё будет хорошо.

Эш сунул руку под меховой плащ и крепко сжал окарину. «Могут ли они быть там?!» Но его раздумья длились недолго; Эш увидел, что на сани нападают четыре проворника. На таком расстоянии эти особенно опасные левиафаны

выглядели как челюсти на лапах. Проворники не прятались под снегом, выслеживая добычу, как скрытни и другие подобные левиафаны. Они были настолько быстры, что прятаться было ни к чему – монстры просто бежали, чтобы поймать свою добычу. Хотя на этот раз, похоже, добыча могла потягаться с ними в скорости. Огромные сани, за которыми они гнались, сами по себе походили на маленькую крепость: с бортами высокими и прочными, как стены крепости, и массивными полозьями, длинными, как дом старосты. Огромные красные паруса с узорами в виде снежинок трепетали на ветру. Большие лопасти и двигатель на солнечных камнях толкали судно вперёд с невероятной скоростью. Технологии постройки такой громады, конечно, выходили за пределы возможностей простых строителей; они были основаны на принципах таинственной науки – археомеханики, и работе артефактов, найденных на руинах Прежнего мира. Но каким бы великолепным ни было это техническое чудо, проворники легко поспевали за ним, неслись по снегу на мощных ногах и кусали полозья, как волки ноги улка. Эш мог разглядеть ауру их Песни – беспорядочную массу неистовых щупалец, которые метались из стороны в сторону и тянулись за проворниками, как багровый дым.

– Охотники! На позиции! – скомандовал главный охотник. – Вставайте к бойницам! Заряжайте гарпуны!

Эш увидел, как охотники занимают оборонительные позиции вдоль стены, и Тобу в их числе, и натянул маску, о которой мальчик совершенно забыл из-за суматохи. Одни защитники Огнии карабкались на стены, держа наготове пращи и луки. Другие тянули рычаги и нацеливали массивные гарпунные установки, которые были расставлены у бойниц. Тобу вытащил стрелу из колчана и приложил её к луку.

Сани были сильно повреждены, но команда следопытов, которая казалась на таком расстоянии кучкой маленьких точек, делала всё возможное, чтобы отбиться от монстров. Эш увидел, как один из них вонзил копьё прямо в огромную пасть проворника. Существо обвило древко своим длинным змеевидным языком и, мотнув головой, выдернуло копьё из рук следопыта, едва не утащив того за борт на верную гибель.

Ещё один проворник с визгом таранил сани; стрелы, которыми команда отчаянно пыталась его отогнать, отскакивали от толстой шкуры. В борт саней с силой врезался ещё один монстр, и те накренились. Впрочем, капитан был явно опытен, и, направив сани по дуге, смог вернуть их на прежний курс. Следопыты

мчались к подъёмнику, который огнии спускали со стены; его толстые канаты скрипели от напряжения под тяжестью дерева. Сани должны скорее добраться туда, иначе их разорвут на куски.

– Огонь! – взревел главный охотник.

Воздух рассекли стрелы и камни. Некоторые достигли цели, пронзив твёрдую шкуру левиафанов, и из ран монстров начала сочиться голубая кровь, но большинство снарядов утонули в снегу, не причинив никакого вреда. Проворники избегали атак, мгновенно уклоняясь и отпрыгивая в сторону. Гарпунная установка с громким лязгом выпустила свой огромный снаряд, но тот угодил в землю, подняв фонтан снега.

– Они слишком быстрые! – вслух сказал Эш.

– Они разорвут сани в клочья ещё до того, как мы сможем в них попасть! – согласился мужчина рядом, приподнимая маску, чтобы лучше видеть. Теперь проворники таранили сани одновременно, впиваясь зубами в румпель, острые зазубренные клыки с пугающей силой вырывали куски полозьев. Сани качались и дрожали; капитан отчаянно пытался держать курс.

Эша охватил ужас. Такое нападение пугало само по себе; но что, если на этих санях его родители? Зашли так далеко после долгих лет отсутствия, чтобы в конце пути их съели проворники?!

– Они не успеют, – выдохнул Эш.

«Я должен им помочь. Но… но как?!»

«Пой», – сказал голос в его голове.

Эш похолодел. «Нет. Крепость точно мне этого не простит! И Тобу тоже!»

Проворники с громким треском разбили румпель в щепки. Теперь капитан уже не мог управлять санями. У следопытов были серьёзные проблемы.

Эш не мог этого вынести. «М-меня вышвырнут в дикие земли! Я там и дня не продержусь. Особенно среди левиафанов! И что, если левиафаны правда могут мной управлять? – запаниковал Эш. – Но… что, если моя Песнь сможет спасти жизни следопытов?»

Проворники визжали от радости, предвкушая, что вот-вот доберутся до своей добычи. Сани были уже достаточно близко, чтобы их экипаж можно было услышать со стен. Следопыты кричали, отбивались и делали всё возможное, чтобы выжить.

«Нет. Я не могу этого допустить, – Эш сжал кулаки. – Сейчас или никогда. Сейчас или никогда! О духи…»

Эш сорвал с лица маску, набрал побольше воздуха в лёгкие и начал петь.

Это оказалось поразительно легко, учитывая, что он всю свою жизнь пытался сдерживаться и скрываться. Сначала тихо, но постепенно набирая силу и громкость, Эш пел свою Песнь. В ней не было слов, по крайней мере тех, которые были ему знакомы. Это был чистый звук, первобытный и простой, но захватывающий и чарующий. Эш чувствовал его каждой клеточкой своего тела, мелодия пробирала до костей. Он смутно осознавал, как люди вдоль зубчатых стен расступаются вокруг него, как вода от брошенного камня, задыхаясь и крича от ужаса. Но Эшу уже было всё равно. Его мир менялся, падающие снежинки сияли, как звёзды в ночном небе. Огоньки обволакивали его тело, плясали внутри и снаружи, проходили сквозь Эша, как призраки, но тёплые на ощупь. Они давали Эшу силу, и он ощущал неведомое раньше единство с миром. Теперь у него была собственная аура, аура цвета звёзд. После всех лет, что Эшу приходилось сдерживаться и отрицать существование Песни, она наконец стала свободна и вырывалась наружу бурным потоком. Эшу казалось, что он летит, и тревоги, которые так долго его терзали, сгорают в свете Песни.

Он чувствовал себя потрясающе.

– Успокойтесь! – пел Эш, вплетая свои эмоции в нить Песни. – УХОДИТЕ!

Аура его Песни закружилась метелью звёздного света и понеслась вперёд. Она врезалась в песенные ауры проворников, которые немедленно начали отталкивать её, сопротивляясь и пытаясь не пустить Эша в свой разум.

– СОПРОТИВЛЯТЬСЯ, БОРОТЬСЯ, ОТРИЦАТЬ! – ревели они.

Руки Эша, сжатые в кулаки, дрожали, брови свело от напряжения. «Ну же, ребята, послушайте меня!»

Он запел ещё усерднее.

– МИР, ПОКОЙ, ДРУЗЬЯ!

– Он зовёт их сюда! – крикнул кто-то.

– Остановите его! – раздался голос издалека. Но сейчас для Эша существовали только проворники и он сам. Чудовища визжали и ревели.

Аура его Песни кружилась вокруг пульсирующей красной ауры боевого клича проворников, пытаясь успокоить монстров. Эш видел – хотя не был уверен, что глазами – трещины и разрывы в их извивающейся ауре. Тёплая аура его Песни хлынула сквозь эти прорехи, как бурная река, и, к радости Эша, проворники, вместо того, чтобы сопротивляться, начали понемногу успокаиваться. Они стали переплетать свои Песни с Песнью Эша, и две совершенно разные ауры вдруг запели одну и ту же мелодию. Кроваво-красные ауры проворников превратились в спокойные льдисто-голубые; на месте мечущихся щупалец появились мерцающие искры, которые танцевали в такт Песни Эша, как снежинки в метели. Проворники склонили головы, их змеевидные хвосты опустились на снег.

– Уходите, – пропел Эш со всей силой, на которую был способен. Мысль рождалась в самой глубине его существа, а Песнь несла его послание вперёд. – Уходите. Пожалуйста, оставьте нас в покое. Мы вам не враги.

Проворники заскулили и заурчали в ответ.

Это сработало! Эш не мог поверить своим глазам, но это сработало! Он словно залил водой пылающее пламя голода и ярости проворников. Чудовища замедлили свой бег, и сани смогли вырваться вперёд.

На Эша внезапно нахлынула усталость. Он почувствовал, как слабеет его Песнь, как мерцает и гаснет его аура. Но он уже сделал то, что было необходимо.

Сани рванули вверх на подъёмнике в безопасность крепости.

Эш слабо рассмеялся. «У меня получилось! Я помог следопытам добраться сюда! Это… это было невероятно!»

Но не успел он подумать об этом, как два охотника бесцеремонно швырнули его на землю.

8. Друг и враг

– Ткач Песен! – гневно взревел кто-то, когда Эша стащили со стены. Жители Огнии окружили его, напряжённо и тревожно перешёптываясь в тени саней, которые швартовались неподалёку от ворот. Эш попытался вырваться, но его снова повалили на холодную землю.

– Веди себя тихо, Ткач Песен! – проворчал охотник, который держал его.

У Эша закружилась голова. Он представлял себе совсем не это! Эш ожидал, что его успех заставит всех передумать. Ведь он помог саням следопытов добраться в безопасное место – разве остальные не видели, что его Песнь была использована во благо?

– Поверить не могу. Ткачи Песен – вымирающий народ, их почти не осталось. Как так вышло, что один оказался среди нас? – тихо пробормотал староста Костран, подойдя к Эшу.

«Наконец-то, староста Костран! – подумал Эш. – Он всегда справедлив. Он всё уладит!»

– Мы все это видели, – сказал охотник, поднимая Эша с земли и грубо заламывая его руки за спину. Суровое лицо охотника было покрыто шрамами от когтей левиафанов. – Мы много лет подозревали, что парень – один из них, и теперь у нас есть доказательство! Он говорил с проворниками, пел их Песнь. Всё ясно как день.

Толпа загалдела, и староста нахмурился.

– Духи огня хранят нас. Значит, слухи правдивы.

– Я… я только хотел помочь! – закричал Эш, надеясь найти поддержку. Он перевёл взгляд со своего прошлого опекуна, Углии, на родителей Блестии, но никто не смотрел ему в глаза. Даже друзья избегали смотреть на него, хоть и стояли совсем рядом. – Свет, пожалуйста! Ты должен сказать им! Скажи им, что я не такой! – Он вырвался из хватки охотника и потянулся к своему другу, но Свет отшатнулся, его глаза расширились от страха и отвращения.

– Это неудивительно. Мы давно подозревали, что его отец – тоже один из них, – сказал Несущий Свет, когда охотник снова заломил Эшу руки. – В его венах течёт грязь! Легенды не лгали.

Эш навострил уши, когда упомянули его отца, несмотря на ужасные оскорбления.

«Мой папа… они подозревали, что он Ткач Песен. А моя мама… она тоже такая?» – почему-то мысль о том, кем они могли быть, заставила Эша почувствовать себя немного лучше. Не таким одиноким в этом мире. Но только чуть-чуть.

Он сжал окарину, спрятанную под плащом, цепляясь за то слабое чувство радости, которое она давала. Как бы Эш хотел, чтобы его родители были с ним прямо сейчас.

«Мы тебя ожидаем, чтобы крепко обнять…»

«Мама… Папа… где вы?»

– Мы должны разобраться с этим, да побыстрее, да, истинно вам говорю! – провозгласил Несущий Свет Дым. – Наши юнцы не помнят последний случай, когда Ткач Песен сговорился с левиафанами. Он помог монстрам прорваться в соседнюю с нами крепость, Бору. Крепость тогда обратилась в руины! Левиафаны используют свою Песнь, чтобы управлять любым человеком, восприимчивым к их голосам, да, истинно вам говорю! Мы должны изгнать его! Изгнать, истинно вам говорю!

Эш похолодел. Слышать, как Дым, его учитель, произносит эти ужасные слова… Ему казалось, что всё это происходит с кем-то другим. Что-то больно сжало его сердце.

– Я-я не такой! Я никогда не сделаю ничего подобного, обещаю! – пискнул Эш. – Я не хотел…

– Замолчи, мальчишка! – рявкнул один из охотников. – Мы уже достаточно услышали от тебя.

Лицо Эша вспыхнуло, он задрожал. С ним говорили так, словно он сам был одним из левиафанов.

– Почему бы тебе не уйти от нас и не жить со своими друзьями-чудовищами, мальчик-монстр? – ухмыляясь, крикнул Растай из толпы под одобрительные возгласы.

– Да, иди и живи в диких землях, как все твои сородичи! – выкрикнул кто-то ещё. – Тебе здесь не место!

– Урод! – завопили из толпы.

– Чудовище! – сплюнул какой-то мужчина.

Разъярённая, испуганная толпа подхватила и начала толкать и тянуть Эша в стороны, как снежная буря. Он съёжился от ужаса – и тут сквозь орущих жителей деревни прорвалась белая молния, закрывая Эша от тянущихся к нему рук. Огнии отступили так же быстро, как и собрались.

– Т-Тобу? – заикаясь, промямлил Эш. Йети сгруппировался и сосредоточился, его копьё лежало в огромной руке. Мышцы Тобу напряглись, готовые нанести удар. Как только толпа отхлынула, он медленно поднялся во весь свой внушительный рост и подтащил Эша к себе.

– Позор вам! – прорычал Тобу. – Он всего лишь ребёнок!

Люди неловко зашевелились. Эш, возможно, и был Ткачом Песен, но теперь, когда гнев огниев остыл, они поняли, что Тобу прав.

– Я только пытался помочь! – сказал Эш и заплакал, больше не в силах сдерживаться. – Я не хочу, чтобы меня использовали левиафаны, я не хочу быть таким, я… я клянусь! Вы должны мне поверить!

– Довольно! – скомандовал староста Костран. – Мне очень жаль, но мальчик не может оставаться здесь, Тобу. Я не стану подвергать свой народ опасности. Впрочем, для него ещё есть надежда. До меня доходили слухи о месте, где собираются его сородичи, – сам отец мальчика как-то упоминал об этом. О крепости Ткачей Песен, описанной в легендах.

Огнии затрепетали от страха при одной мысли о подобном месте, многие прикоснулись к своим защитным амулетам – подвескам из солнечного камня, висящим на их шеях.

– Там ему будут рады, в отличие от других крепостей. На его месте я бы именно туда и пошёл, – староста бросил на Эша суровый, но не совсем безразличный взгляд.

При упоминании этого места у Эша перехватило дыхание. Может ли такое быть в реальности?

Тобу расправил свои огромные плечи и угрожающе зарычал.

– Если ты способен на такую низость, как его изгнание, пусть будет так. Но я не позволю тебе отправить его на смерть одного.

Из толпы послышались протесты и возмущения, но староста Костран остановил их поднятой рукой.

– Как пожелаешь, Тобу. Ты отправишься в изгнание вместе с ним.

– Похоже, это место не такое благородное, как я думал, – сказал Тобу, и охотники в толпе ощетинились в ответ.

– Один раз изгнанник – навсегда изгнанник, – выплюнул один из них.

Атмосфера становилась всё напряжённее, когда…

– Раздери меня титан! – раздался со стороны ворот громкий голос. Все огнии разом обернулись, чтобы увидеть, как через борт саней следопытов переваливается трап и с грохотом ударяется о землю.

9. Следопыты

На палубе саней показалась огромная мурсу, которая сразу же начала спускаться по трапу. Эш уже видел следопытов-мурсу много лун назад, но эти странные, похожие на моржей существа не переставали его поражать. У неё была деревянная нога, настолько большая, что больше походила на бревно, и очень небрежная походка для того, кого только что чуть не сожрали левиафаны. Потрёпанные доспехи обнажали руки с плотной блестящей кожей. Благодаря своему особому жиру мурсу не чувствовали холода, как люди, – по крайней мере, так говорили Эшу, – но видеть её обнажённые руки всё равно было удивительно.

– Клянусь Авророй, вы видели, как близко они были? – спросила следопыт у толпы. – Конечно же, конечно, вы же там были, в конце концов! Я уж подумала, что потеряю кое-что поважнее румпеля, не так ли, мастер Подд? – спросила она у невысокого, гордого на вид вулписа, который следовал за мурсу по пятам, его лисьи уши стояли торчком, из-под лоскутной одежды выглядывал пушистый хвост.

– Так точно, капитан, – сказал вулпис неожиданно низким голосом.

– Вот почему ты мой первый помощник, мастер Подд, – ты знаешь, о чём говоришь.

– Мы рады приветствовать вас в крепости Огния, следопыты! – прогремел староста Костран и широко раскрыл объятия в знак приветствия, прекрасно скрывая напряжение, царившее всего секунды назад. – Бом, капитан саней, известных как «Ледяное сердце», если я правильно помню?

– Вы совершенно правы, староста! – сказала следопыт-мурсу, тряся его руку так энергично, что казалось, ноги Кострана вот-вот оторвутся от земли. – Рада видеть вас, как и всегда!

Команда капитана Бом встала рядом с ней под выжидающие взгляды жителей крепости. И без того грустный Эш совсем пал духом, не обнаружив среди членов экипажа следопытов Фиры, которые стремились бы заключить его в объятия. Он знал, что шанс встретить родителей на борту этого судна был очень мал, но всё равно не мог побороть разочарование.

Зато там было несколько потрясающего вида причудливо одетых мужчин и женщин, которые выглядели так, словно попали сюда из крепостей со всех уголков Снежного моря. Эш мог видеть такое только во время редких визитов экипажей следопытов. К его удивлению, среди них была девочка чуть старше его. Её голова была наполовину выбрита, наполовину покрыта длинными дредами. Самым странным из всех был мужчина в рваной тёмной мантии, увешанной древними археомеханическими устройствами, который стоял позади остальных следопытов. Он выглядел так, словно вышел прямиком из диких земель. Бирюзовые глаза в тёмных глазницах сияли так ярко, что, казалось, освещали всё вокруг. Мужчина разглядывал крепость словно ястреб, выслеживающий добычу. Похоже, его что-то забавляло; волчья ухмылка ни на

миг не сходила с узкого заострённого лица. Хоть другие члены экипажа и казались закалёнными путешественниками, Эш подумал, что этот мужчина, похоже, повидал гораздо больше остальных. Тобу рассказывал о гигантских горных кошках в землях йети, и Эш решил, что они выглядели бы именно так, будь у них длинные спутанные волосы. И бородка, конечно.

Староста Костран важно выступил вперёд.

– Сколько времени прошло – шесть, семь лет с тех пор, как вы в последний раз бывали здесь? Но ваше прибытие как раз кстати. Мы отчаянно нуждаемся в припасах из внешнего мира!

– Скажи это моим саням. Бедолага, – сказала Бом. Как будто в ответ, от потрёпанного борта саней отпала доска.

– И правда, – сказал Костран. – Это было опасно – хотя, к сожалению, такое слишком часто встречается в наших краях. Когда-то к нам приезжало много саней, но в последнее время увидеть кого-то, кроме вас, – уже большая удача. Левиафаны стали ещё враждебнее за последние несколько десятилетий, хоть я и не знаю, что их так злит.

Толпа огниев наблюдала за этим разговором в благоговейном молчании. Тем временем про Эша, похоже, все забыли.

– Это вряд ли вас обрадует, но то же самое происходит во всём мире, – сказала капитан Бом. – Левиафаны лютуют изо дня в день всё больше, а ведь они и так были чертовски злы! Впрочем, я не удивлена, что мы – единственные следопыты, которые наведывались к вам за последнее время. Вы живёте в настоящей глуши – вы и сами это знаете. Нам потребовалось несколько лун, чтобы добраться так далеко, и мы пришли сюда лишь потому, что предполагали, что вам на севере не помешает помощь. О! – лицо капитана помрачнело. – Пусть ваши дозорные смотрят в оба – поблизости рыщут Призраки. Эти мерзавцы чуть не заметили нас, но «Ледяному сердцу» повезло проскользнуть мимо. Очень надеюсь, что мы не истратили всё наше везение…

Призраки. Говорили, что они угроза почти такая же страшная, как левиафаны. Сам Эш никогда не видел этих чудовищных пиратов, что было к лучшему, учитывая рассказы следопытов. Истории о Призраках были не из тех, что хотелось бы послушать за ужином.

– Да ещё эти треклятые проворники, которые разбили наши сани в щепки, – продолжила капитан Бом. – Говорю вам, просто одна напасть за другой! Они преследовали нас много километров, что весьма необычно, должна сказать. Эти твари шустры, но они не должны быть настолько выносливы, хотя по ним и не скажешь. – Бом покачала головой, словно до сих пор не могла поверить в происходящее.

– Что ж, мы благодарим вас за великую храбрость и мужество, – сказал Костран.

– Спасибо, староста, за добрые слова, – сказала капитан Бом. – Но я хотела бы узнать, кто нас спас. Если бы не он, мы стали бы закуской для проворников.

Толпа беспокойно зашевелилась.

– Разумеется, это были наши отважные охотники! Вы не найдёте в этих краях более метких стрелков, – ответил Костран чересчур громко. Эш заметил, что он жестами показывает Тобу увести его отсюда. Йети, который был счастлив услужить, начал многозначительно тянуть Эша за плащ. Очевидно, крепость не хотела позволить следопытам узнать, что Огния укрывает Ткача Песен.

«Наверное, староста думает, что я их отпугну».

Эш пытался сопротивляться Тобу, который настойчиво тянул его за капюшон, но бесполезно.

– Меня очень впечатлила их меткость, правда, очень впечатлила! – сердечно сказала капитан-мурсу. – Но как бы я ни была им благодарна, я спрашивала не об этом. Мне нужно знать, кто пел нам во всё горло со стены.

Огнии затаили дыхание. Староста Костран не мог подобрать слов. Эша охватил восторг. Похоже, капитан его не боялась – совсем наоборот! Тобу начал тянуть Эша сильнее, проталкиваясь сквозь толпу. Эш протестующе вертелся, пытаясь

услышать, что скажут дальше.

Костран нервно рассмеялся.

– Кто пел?.. О, не понимаю, о чём вы. Среди нас нет Ткачей Песен, если вы это имели в виду.

– Ох. Тогда, полагаю, это валькирии моего клана призывали меня в загробную жизнь. Видите ли, я старею, и мои дни скоро подойдут к концу. В последнее время валькирии частенько мне поют. Вот только я пока что жива. И мальчик, которого йети так старается от нас увести, случайно, не тот, кто спас меня и мою команду?..

Тобу застыл. Эш не знал, что ему делать. Согласиться с её словами или промолчать? Он посмотрел на старосту, который открывал и закрывал рот как рыба, очевидно, чувствуя себя таким же растерянным, как Эш.

– Ладно, хорошо. Этот мальчик – Ткач Песен, – наконец признался Костран.

Жители деревни вокруг них загудели; многие вцепились в свои защитные талисманы из солнечного камня. Эш заметил, как кто-то сплюнул на землю недалеко от того места, где он стоял. Фу!

– Святые селёдки! Это правда? – капитан Бом казалась впечатлённой. – Ну и дела… Их не встретишь на каждом шагу, мастер Подд готов вам это подтвердить.

Маленький вулпис слегка кивнул в её сторону.

– Так точно, капитан.

– Да… но этот мальчик… он огний, – сказал Костран. – И Огния разберётся с ним по-своему, можете не сомневаться.

«Что значит по-своему?» – с содроганием подумал Эш.

– Надеюсь, это не повлияет на будущие визиты ваших саней, – продолжал Костран слишком быстро, выдавая свою нервозность. – Аврора может не беспокоиться по этому поводу!

– Да успокойтесь же, староста, я не собираюсь доносить на вас Совету или делать что-то в этом роде, слово даю, – капитан Бом посмотрела на Эша. – Большое тебе спасибо, дорогой мой мальчик! Ты поступил храбро, и мы, команда «Ледяного сердца», этого не забудем.

– Да! – закричал экипаж, поднимая кулаки в знак благодарности.

– Точно, точно! – крикнул дикого вида мужчина, не обращая внимания на явное замешательство толпы огниев. Эш подозревал, что мужчине оно даже нравилось. Эш тоже не смог сдержаться. Он улыбнулся от уха до уха и кивнул капитану Бом и её команде. Ухмылка дикого мужчины с яркими глазами, казалось, стала ещё шире. Он пристально посмотрел на Эша, но тут Тобу с мрачным (как обычно) лицом оттащил того в сторону.

«Если следопыты благодарны мне за Песнь, значит, огнии тоже должны согласиться, что я могу делать добро? – с надеждой подумал Эш. – Теперь они должны меня понять… правда?»

10. Луна

Но нет.

Эш и Тобу в молчании брели к сторожевой башне, Эш не осмеливался заговорить со своим опекуном.

Когда они вернулись, дверь сторожевой башни поначалу не открывалась – намертво примёрзла, как это часто бывало. Тобу был не в настроении возиться с упрямой дверью. С ворчанием йети просто выбил её плечом и зашёл внутрь,

словно двери в проёме вовсе никогда и не было. Эш сглотнул и последовал за Тобу.

В сторожевой башне, как и всегда, было холодно. Семейство голубей, живущих на стропилах (и делающих всё возможное, чтобы гадить Эшу на голову, когда он меньше всего этого ожидал), вертело головами и взволнованно ворковало.

Тобу не произносил ни слова, только пыхтел и рычал, быстрыми сердитыми шагами меряя башню из конца в конец, потом загремел мисками, очевидно, готовя еду для них двоих.

Эш не знал, что сказать. Он даже не знал, что думать. С одной стороны, он впервые ткал Песнь, и это было невероятно. И он спас столько жизней! Но с другой стороны, он обрёк себя и Тобу на изгнание. Мысли Эша с трудом поспевали за происходящим.

– Нам больше не рады в Огнии, – сказал Тобу очевидное. – К этому привели твои опрометчивость и легкомыслие. – Эш чувствовал, что должен возразить, но слишком устал, чтобы даже пытаться. – Мы должны подготовиться к путешествию, – продолжил Тобу. – Чтобы выжить в диких землях и добраться до другой крепости, тебе понадобится использовать всё, чему я тебя научил. Тебе понадобится всё твоё здравомыслие.

Эш знал, что Тобу эксперт в выживании. Он был единственным известным огниям существом, которое пережило пешее путешествие через дикие земли. Именно поэтому крепость его и приняла – Огния была бы рада любому с такой стойкостью и силой.

– Мы пойдём на юг. Там больше крепостей. И если доберёмся благополучно, должны будем держать в тайне то, что ты Ткач Песен.

«Если. И даже если мы каким-то образом выживем, это всё равно плохо кончится. Мне снова придётся скрывать свою силу. Снова притворяться тем, кем я не являюсь».

Эш с опекуном сидели молча, пережёвывая корни. Снаружи доносилась печальная неземная Песнь левиафанов, славя новый день. По щекам Эша потекли слёзы, но он сказал себе, что это из-за краснокорня.

Эш сидел очень тихо. На кончик его носа опустилась снежинка, но мальчик даже не вздрогнул. Он был слишком поглощён наблюдением за следопытами, которые занимались необходимым ремонтом своих саней и выгружали ящики и бочки для торговли с крепостью.

Огния отвела Эшу и Тобу две недели на то, чтобы составить план и собрать припасы перед отъездом, поэтому йети отправился на охоту, добывать необходимую для предстоящего опасного путешествия еду. Эшу было сказано держаться подальше от деревни, и, разумеется, он туда прокрался.

Экипаж следопытов его совершенно очаровал. За всю свою жизнь Эш видел сани только несколько раз – Огния находилась слишком далеко от Объятий Авроры, а Эш был слишком мал. Но каждый раз его охватывали трепет и волнение.

Следопыты «Ледяного сердца» были такими странными, такими непохожими на жителей Огнии, покрытыми причудливыми красочными татуировками, в экзотических одеждах, украшенных таинственными талисманами. Живот Эша скрутило от волнения. Он провёл всю свою жизнь в крепости Огния, и видеть чужаков, людей, пришедших из далёких земель, было так невероятно… Неудивительно, что прибытие команды следопытов было одним из самых волнующих событий крепости.

Одна из женщин-матросов сплюнула на землю.

Ого.

Эш изумлённо наблюдал за происходящим. Следопыты казались такими дикими. Они выглядели как искатели приключений. Они производили впечатление свободных личностей. И неудивительно, ведь путешествовать по Снежному морю можно было только на борту саней с двигателем на солнечных камнях. Одна из следопытов весело запела, глядя на восток через подзорную трубу:

Мы идём за горизонт, хей-хо, хей-хо!

Сани носом режут лёд…

– Тсс! – прошипел стоявший неподалёку кожевник Огнии, замахав ножом, которым скрёб кожу улка. – Здесь запрещено петь!

– Как скажешь! – сказала следопыт и жестом показала, словно застёгивает рот. Звук чужой песни был буквально музыкой для ушей. Эш не ожидал, что она будет звучать так приятно. Песня следопыта о далёких горизонтах напомнила ему его собственную колыбельную – особенно последние несколько строк, которые крутились у мальчика в голове всю его жизнь:

Там, где Матерь Солнце начинает сиять,

Мы тебя ожидаем, чтобы крепко обнять.

Стены можно сломать и за них уйти,

Ты ответы найдёшь на своём пути…

«Уйти за стены и отправиться в путь…» – подумал Эш, сияя. Следопыты. А вдруг в словах колыбельной и правда есть скрытое послание, ответ, который он искал? Большинство людей не могут покинуть стены крепости, но следопыты могут! «С ними я мог бы выбраться отсюда!» Эш не знал, что он найдёт, когда уйдёт, но был уверен, что родители ведут его к себе. И найти их, передвигаясь на санях, было бы гораздо легче, чем сидя в какой-нибудь деревне. Впрочем, что угодно было бы лучше пешего путешествия, о котором говорил Тобу. Эш с новым интересом уставился на «Ледяное сердце». Сани были длиннее, чем пятнадцать домов Огнии, выстроенных в ряд, с высоких резных мачт свисала спутанная масса верёвок, а острый нос судна смотрел вперёд, как наконечник стрелы. Судно словно обещало понести свой экипаж, куда бы тот ни пожелал отправиться. «Если бы только получилось пробраться на борт. Если бы только получилось убедить следопытов взять меня с собой, помочь мне пойти по стопам родителей…»

– Ты что, шпионишь за нами, огненный мальчик? – раздался голос за спиной.

Эш вскрикнул и резко обернулся. Там стояла девочка-следопыт с наполовину обритой головой. Она скрестила руки на груди и приподняла бровь.

– О нет, нет! – сказал Эш тонким писклявым голосом, изо всех сил стараясь скрыть свой интерес. – Я просто работаю здесь… с этой… уриной… – Эш с

ужасом осознал, что прятался за большой бочкой с золотистой жидкостью, которую кожевники использовали для обработки шкур.

«Что я делаю?! – закричал он у себя в голове. – Почему у меня такой голос?»

Эш осмелился поднять взгляд, чтобы проверить, поверила ли ему девочка, стараясь держать голову так, чтобы она оставалась скрыта мехом капюшона. Бровь девочки взмыла ещё выше. На вид она была примерно одного возраста с Эшем, но вела себя так уверенно, что казалась намного старше. Эш заметил, что длинный плащ, который открывал одно её плечо, был украшен узорами, напоминавшими созвездия, а в тёмных волосах блестели маленькие безделушки-звёздочки.

– М-мне просто было любопытно, вот и всё, – признался Эш. – Я не видел следопытов уже много лун. То есть я уже видел следопытов раньше, и мои родители тоже были… в смысле, они и сейчас следопыты, но я не знаю своих родителей. Я-я хотел сказать, я знаю своих родителей, но я не видел их уже очень давно, и я просто подумал, что, может быть…

– Звёзды небесные, да успокойся ты уже! Я просто тебя дразнила, – перебила его девочка. – Кстати, спасибо, что спас нас тогда.

Эша охватила паника.

– Не знаю, о чём ты. Это был не я! – сказал он, отступая назад.

– Да неужели? Но твой рост, твои волосы, твой голос – всё это кажется мне очень знакомым, и я за километр узнаю эти тощие ноги.

– Т-тощие?..

Девочка сморщила лицо и принялась расхаживать вокруг Эша, изучая его прищуренными глазами. А затем ткнула пальцем.

– Эй, что ты делаешь?! – отмахиваясь, спросил Эш.

– Ты не кажешься таким уж страшным, – ответила она, явно разочарованная.

– Я… я и не пытаюсь казаться страшным, – озадаченно ответил Эш.

– Ага, – сказала девочка, скрестив руки на груди. Эш не мог понять, было это хорошее «ага» или плохое «ага». По выражению её лица он мог предположить скорее последнее. Внезапно девочка приподняла пальцем его верхнюю губу, чтобы осмотреть зубы, и Эш чуть не задохнулся от шока.

– Никаких тебе клыков, – сказала она и потянула Эша за мех капюшона. – Никаких страшных доспехов, – девочка подняла его руки. – И даже когтей нет! Какой же из тебя Ткач Песен?

– Ткачи Песен так не выглядят! – сказал Эш, попятившись. Но потом вдруг понял, что не знает, правда это или нет. Он слышал страшные истории взрослых о таинственной вещи, называемой половым созреванием, о том, как оно ужасно и как сильно меняется тело… А что, если у Ткачей Песен это проходит ещё ужаснее?! Неужели с возрастом у него вырастут рога и когти? Эш сглотнул. Он действительно мало знал о том, что из себя представляет Ткач Песен.

– Даже если ты не страшный, у тебя явно кишка не тонка, – сказала девочка. – То, что ты сделал перед целой кучей людей, было очень храбро, особенно для таких… ну, ты понимаешь, для твоего вида, – она ударила Эша в плечо.

«Странный способ сказать спасибо», – подумал он, но слова «твой вид» оказались больнее, чем удар.

Похоже, девочка поняла это по выражению его лица.

– Я не думаю, что с Ткачами Песен что-то не так, понимаешь? Я только хотела сказать… ты единственный, кого я встречала, просто… понимаешь, никто не любит Ткачей Песен.

Плечи Эша опустились ещё ниже.

«Она пытается так меня приободрить?»

Вдруг девочка оглянулась через плечо.

– Слушай, мне нужно бежать, а то кэп меня убьёт. Счастливо оставаться со своей бочкой, огненный мальчик! – Она помахала рукой и направилась к причалу.

– До свида…

Бам.

Эшу в щёку врезался снежок.

– Ай! – вскрикнул он, и девочка-следопыт резко обернулась, чтобы посмотреть, что происходит. Эш приложил руку к ноющей щеке. Это был не тот мягкий, рыхлый снежок, которым начинались дружеские бои – в нём было больше льда, чем снега; такие использовали, чтобы объявить войну. Такие запускали из пращи.

Эш повернул саднящее лицо в сторону нападавшего.

Там стоял Растай со своими друзьями, Ломмом и Боем, которые были намного крупнее, чем можно было ожидать от детей, выросших на скудном рационе Огнии.

Кто бы ещё это мог быть.

– Ткач Песен! – крикнул Растай с отвратительной улыбкой. – Всё ещё поёшь серенады монстрам?

– Мы знаем, как сильно ты любишь монстров. Ты даже пахнешь, как они. Ты даже живёшь с одним таким, – подхватил Ломм.

– Ты слишком ненормальный, чтобы жить с нами, людьми, – согласился Растай. – Лучше свали в какую-нибудь дыру к другим поющим уродцам, любимчикам монстров вроде тебя. Хотя я очень удивлюсь, если они захотят тебя принять.

Эш изо всех сил старался не обращать на них внимания, старательно разглядывая свои ноги. Он был очень взволнован тем, что девочка-следопыт заговорила с ним – более того, была к нему добра, даже зная, что Эш – Ткач Песен. От этого он даже почувствовал себя не таким, эм, ненормальным. Но сейчас Эша высмеивали прямо перед ней. Он заметил, что девочка отступила на шаг и нахмурилась.

– Ох, монстры, меня зовут Эш, и я так сильно вас люблю! – пронзительно завопил Бой, хлопая ресницами. Двое других рассмеялись и причудливо затанцевали вокруг Эша, Растай выпятил губы и начал причмокивать, изображая поцелуи. Эш дрожал, но не реагировал. Он не хотел провоцировать задир. Но они распалялись всё больше и больше. Растай подошёл к Эшу и сильно толкнул локтем.

– Ты что, не слышишь нас, любимчик монстров?

– Н-нет, – пробормотал Эш.

– Неужели? – Растай сделал вид, что задумался. – А мне кажется, ты просто не слушаешь. Может быть, потому что ты слишком занят игрой… на этом? – Эш попытался увернуться от протянутой руки Растая, но тот оказался быстрее и сдёрнул окарину с его пояса. – Что я вижу! Разве это не монстрозвалка? – сказал задира, ухмыляясь.

– Верни её! Растай, пожалуйста, это подарок моих родителей! – взмолился Эш, потянувшись за инструментом, но Ломм и Бой его удержали. Эш почувствовал, как в уголках его глаз выступают слёзы.

Растай усмехнулся, покрутил окарину в пальцах и пожал плечами.

– Знаешь что, Эш, если она так много для тебя значит, забирай её обратно, – Растай взялся за окарину обеими руками, с хрустом отломил воздуховод и бросил обломки на землю. Эш вскрикнул, словно от удара, его тело застыло от ужаса. Растай и его подхалимы рассмеялись и толкнули Эша на землю.

Тот подобрал обломки своей окарины, дрожа всем телом, но ничего не сказал.

Растай криво улыбнулся и повернулся к девочке-следопыту, которая молча наблюдала за происходящим.

«Наверное, старается не засмеяться вместе со всеми», – с горечью подумал Эш.

– На твоём месте я бы поскорее убрался отсюда, следопыт, а то он до смерти надоест тебе своей песней, – усмехнулся Растай. – Он даже не огний. Приезжим стоит говорить с настоящими огниями, а не со странными изгоями.

Девочка-следопыт выглядела растерянной, переводя взгляд с Растая на Эша.

– И где же я могу найти настоящих огниев?

– Тебе не надо далеко ходить. – Растай указал большими пальцами на себя и своих друзей.

Глаза девочки-следопыта вдруг засияли.

– Правда? Я могу пойти с вами, ребята? Это было бы так здорово! – сказала она, прижав руки к щекам и широко улыбаясь. Эш с замирающим сердцем опустил взгляд в землю.

– Конечно, можешь! – сказал Растай, раздуваясь от самодовольства. – Мы покажем тебе Великий Костёр и как хорошо стреляют из лука настоящие охотники Огнии.

– Мы же можем взять с собой одного бедного маленького ребёнка, который не сделал ничего плохого и у которого нет друзей-дуболомов, чтобы заступиться за него? Это будет очень весело, разве нет? – спросила девочка, её глаза ярко блестели.

Улыбка Растая дрогнула. Он начал подозревать подвох.

– Эм… да? Наверное?..

– Да что ты, нам, следопытам, такое не по душе. Помощь людям, объединение разных крепостей – это всё скучная ерунда. Конечно, гора-а-а-аздо веселее быть трусливым слюнтяем! – сказала девочка, глядя ему в лицо и подходя вплотную к Растаю со сжатыми кулаками и штормом, бушующим в глазах.

– Тебе лучше поостеречься… – начал Растай.

– О, точно! Я должна остерегаться таких отважных и сильных воинов, как вы, ребята! Я уже видела, как смело вы поразили этого могучего и ужасного врага! Команда следопытов была бы счастлива иметь на борту таких парней!

Задиры застыли в изумлении. Девочка быстро стала самым любимым человеком Эша во всём диком мире.

– Ты меня не запугаешь, – сплюнул Растай, попятившись. – Вы, оказывается, друг друга стоите.

– Так значит, теперь вы передумали показывать мне крепость? Ах, какая жалость! – крикнула девочка в спины удирающих задир.

– С-спасибо, – сказал Эш, к которому наконец вернулся голос.

– Пф, это ещё ничего. Попробовал бы ты сразиться с Йорри, нашим инженером, за добавку к ужину. В любом случае, я рада, что с тобой всё хорошо, но мне нужно идти…

– Погоди! Пожалуйста. Я… то, что они сказали обо мне – это правда? – спросил девочку Эш.

– Что именно – что ты пахнешь, как монстры? Возможно. Честно говоря, никак не получалось хорошенько к ним принюхаться. Когда ты недели напролёт живёшь в компании потных, чумазых, немытых…

– Нет, нет, я про то, что в диких землях есть место, где собираются Ткачи Песен. Наш староста тоже про него упоминал, про… крепость Ткачей. Ты когда-

нибудь… видела такое? – сердце Эша наполнилось надеждой.

Девочка на миг задумалась.

– Хм. Да, я слышала истории о ней. Но это всего лишь легенда. Никто и никогда не видел крепость Ткачей Песен, так что это, скорее всего, просто выдумки.

– Есть хоть крошечный шанс, что она существует? – спросил с горящими глазами Эш. «А что, если мои родители отправились туда? Огнии говорили, что отец мог быть Ткачом Песен и что он упоминал такое место…»

– Эм… да? Думаю, шанс есть у чего угодно. Я имею в виду, вы, огнии, живёте так далеко в Снежном море, что многие люди и не подозревают о вашем существовании, но всё-таки вы живёте здесь, несмотря ни на что. Если такая крепость и существует, то в самой глуши – но, эй, в такие места мы обычно и ходим. Я дам тебе знать, если что-то найду и снова окажусь в ваших краях. А теперь мне правда пора идти. Сани сами себя не починят!

– Х-хорошо, – сказал Эш, не зная, что ещё можно ответить.

Девочка шагнула к доку, где стояли сани, но остановилась на полпути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/littler_dzheymi/ledyanoe-serdce

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити